ОПАСНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.

Французская повѣсть.

Сочиненіе господина д'Арно.

Переведено съ французскаго.

Блаженъ, кто можетъ утѣшаться
Простой природы красотой;
Не будетъ вѣчно тотъ прельщаться
Мятежной свѣтской суетой.

К. . . въ скаскѣ Сновидѣніе.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Печатано съ дозволенія Указнаго у Шнора.
1784 года.

Ея Свѣтлости

Ордена Святыя Великомученницы Екатерины

КАВАЛЕРУ

Принцессѣ

КАТЕРИНѢ ПЕТРОВНѢ БОРЯТИНСКОЙ,

Урожденной Голштейнъ-Бекъ.

Свѣтлѣйшая Принцесса,

Милостивая Государыня!

Я принимаю смѣлость посвятить имени Вашей Свѣтлости сей слабой мой трудъ; пріймите его какъ жертву приносимую Вамъ отъ сердца, исполненнаго чистѣйшаго почитанія за благотворенія Ваши человѣчеству. Кроткія и чувствительныя добродѣтели Ваши достойны величайшихъ жертвъ, нежели какую принести я въ состояніи; но усердіе мое извинитъ малость моего приношенія. Послѣдуя многимъ я имѣлъ бы теперь случай описать ихъ съ лучшимъ успѣхомъ; но онѣ всѣмъ извѣстны и доказаны. Названіе друга человѣковъ, названіе лестное и предпочтительнѣйшее всѣмъ пышнымъ

именамъ, единогласно приписывается Вашей Свѣтлости. Мнѣ остается токмо повергнуть въ милость Вашу какъ себя такъ и переводъ мой, и сказать что удовольствїе отдать справедливость человѣколюбивой добродѣтели есть для меня превыше всѣхъ наградъ.

Щастїе мое превзойдетъ всѣ мѣры, ежели вы позволите мнѣ называться

Вашей Свѣтлости

Милостивой Государынѣ

покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою

Адрїянъ Грибовскїй.

ОПАСНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ.

Французская повѣсть.

Нѣкоторая деревенская вдова, у которой одно только было дитя, кормила дочь нѣкоторыхъ знатныхъ и весьма богатыхъ особъ, жившихъ въ Парижѣ; первые годы Павлины (такъ называли дѣвицу де Монтикуръ) протекли въ деревнѣ; заботы и издержки въ тяжебномъ дѣлѣ, принуждали ея родителей содержать ее въ удаленіи отъ столицы; но какъ скоро дѣло ихъ окончилось и имѣніе было утверждено, то они спѣшили возвратить ее въ нѣдра ея семейства. Павлина разлучилась съ Сюзеттою съ величайшимъ огорченіемъ. Онѣ раздѣляли сладость раждающихся склонностей и тѣхъ чистыхъ забавъ, которыя можетъ быть невинность учиняла столь драгоцѣнными.

 Мла-

младыя души съ трудомъ отвергаютъ первыя почувствованныя ими впечатлѣнія; смѣсь предмѣтовъ не развратила и не утрудила еще ихъ желаній; а особливо Сюзетта не могла забыть дѣвицы де Монтикуръ. Не ужъ ли природа имѣетъ болѣе силы въ деревнѣ? Или сердце открывается съ большею искренностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствованіе не такъ разсѣяно и не столько раздѣлено? Человѣкъ рожденъ жить въ деревнѣ; но шумъ городовъ отнялъ его у него самаго, и предалъ его замѣшательству состояній и страстей спорящихъ и вредящихъ себѣ взаимно, и оставивъ земледѣльческое убѣжище, онъ потерялъ наслажденіе истинныхъ удовольствій.

Душа Сюзетты была наполнена любовію къ Павлинѣ: она безпрестанно говорила о томъ своей матери и всегда желала сопутствовать ей въ поѣздкахъ ея въ Парижъ. Филипина съ своей стороны не меньше своей дочери показывала желанія къ симъ поѣздкамъ; та и другая приходили къ дѣвицѣ де Монтикуръ съ знаками самой нѣжнѣйшей пріязни; онѣ всегда приносили ей новыя дары, какія

имъ

имъ могла доставить деревенская простота, цвѣты и плоды. Хотя онѣ были бѣдны, но не уступили бы за великiя деньги сихъ бездѣлушекъ, которыя почитали онѣ драгоцѣннымъ сокровищемъ. Онѣ летали съ разнымъ стремленiемъ къ Павлинѣ, которой дружба однакожъ казалось простывала. Каждый разъ, какъ онѣ ее видали, находили ее не столько ласковою, и чувствовали отъ того тайное огорченiе, которое страшились взаимно себѣ открыть.

Въ одинъ день, какъ онѣ возвращались въ деревню, Сюзетта первая вышла изъ задумчивости, въ которую онѣ были погружены: — Что тебѣ здѣлалось матушка? Ты молчишь, не ужъ ли безпокоитъ тебя какая печаль, которой причину ты отъ меня скрываешь? — Ничего любезная дочь, ничего; я могла обмануться .... не надобно съ лишкомъ полагаться на свои примѣчанiя; есть подозрѣнiе, но .... конечно безъ причины. Подозрѣнiе! изъясните матушка, можетъ быть у насъ однѣ мысли. — Я тебѣ откроюсь: не знаю, любезная наша Павлина принимаетъ насъ съ неудоволь-

 ствiемъ;

ствіемъ; замѣтила ли ты такъ же, какъ и я? Сюзетта! ... ето мнѣ раздираетъ сердце; видишь ли, я и теперь еще проливаю слезы. — Точно такъ матушка, я то же самое примѣтила. Надобно тебѣ разказать, что мнѣ съ нею приключилось, ибо я вижу, что мы предъ ея глазами ни что иное какъ подлыя крестьянки; я называла ее нѣжно сестрицею, но она мнѣ отвѣчала сухо, что не такъ ее именовали, и что я должна была называть ее дѣвицею де Монтикуръ, въ мигъ слезы отняли у меня языкъ, и я не могла выговорить какъ только, сударыня .... сударыня, я не назову васъ болѣе сестрицею, когда вамъ ето не нравится, но вы не запретите мнѣ любить васъ. Я приближилась, чтобъ обнять ее, но повѣришь ли, она меня оттолкнула! — Она тебя оттолкнула? Злое сердце! ежели бы ты знала... я не обманулась .... ахъ! Сюзетта, какъ сіи ухватки не пристали ей! такъ, онѣ къ ней конечно не пристали ..... вотъ что такое городъ! она столько насъ ласкала, когда жила въ деревнѣ! Дочь моя! правду говорятъ, что Парижскіе господа не любятъ, мы ви-

видимъ теперь етому доказательство; Павлина, какъ скоро начала тамъ жить, потеряла къ намъ любовь. Какъ бы я желала ей послѣдовать, но не могу того учинить. Чтобъ имѣть сердце чувствительное, надобно быть бѣдну; ахъ! Сюзетта, ты то же здѣлаешь, когда будешь богатою госпожею. — Ахъ! матушка, можешь ли ты вообразить, чтобъ я перемѣнилась до сей степени? Ты мнѣ всегда будешь любезна въ какомъ бы я состоянїи ни была; но пусть дѣвица де Монтикуръ какъ хочетъ сердится, я буду называть ее сестрицею, ето привычка отъ которой я не исправлюсь; когда богатство препятствуетъ любить, то я желаю навсегда остаться Сюзеттою..... но ты поднимаешь глаза къ небесамъ, ты вздыхаешь! — Павлина, Павлина, можно ли мнѣ было ожидать отъ тебя такого огорченїя? Такъ, въ каждую мою поѣздку въ Парижъ, я примѣчаю, что холодность ея умножается.... Перестанемъ къ ней ходить. — Матушка мнѣ ето трудно будетъ перенести, да и тебѣ самой будетъ огорчительно; повѣрь мнѣ, она насъ любитъ.... но въ самомъ дѣлѣ ето про-

клятой Парижъ научилъ ее обращаться такъ сухо и отвратительно; не ужъ ли сіи люди не смѣютъ показать, что у нихъ есть сердце!. Нѣтъ сестрица . . . . сердись ты какъ хочешь, а намъ надобно платить взаимно; мы столько къ тебѣ чувствуемъ дружбы!

Сіи разговоры, въ которыхъ двѣ искреннія души открывались во всей своей простотѣ, услаждали стыдъ имъ причиняемой. Въ самомъ дѣлѣ дѣвица де Монтикуръ была несносна своимъ высокомѣріемъ; мать ее выговаривала ей за то безпрестанно: отъ куда происходитъ, сударыня, сія надменная гордость, которую вы кажется нарочно выставляете? Знаешь ли, что ето самой отвратительной порокъ и затмѣвающій наилучшія качества. Оскорбленное самолюбіе никогда не прощаетъ, а оно не получаетъ легкихъ оскорбленій; все для него смертельно. Даръ заставлять себя любить есть безъ сомнѣнія необходимое качество для каждаго желающаго жить въ обществѣ; когда мы принимаемъ участіе въ другихъ, тогда и къ намъ бываютъ снисходительны: ты имѣешь свою гордость,

а каждой свою; искуство же жить повелѣваетъ, чтобъ мы старались льстить гордости и другаго? Въ прочемъ, чемъ ты можешь хвалиться, родомъ, или богатствомъ? Все сіе не твое; тебѣ принадлежитъ только душа чувствительная и добродѣтели твои, которыми ты должна заниматься; первая изъ нихъ есть снисходительность, особливо къ тѣмъ, которыхъ одинъ предразсудокъ здѣлалъ нижшими насъ; должно стараться утѣшать ихъ въ различіи, которое странность рока или лучше мнѣнія, положила между ими и нами. Мы отъ того ничего не понесемъ, а ты не можешь вообразить сколько они желаютъ намъ добра за сей родъ снисхожденія, которое въ сущности есть ни что иное, какъ долгъ справедливости. Я уже примѣтила, что ты взираешь съ равнодушіемъ, которое подходитъ къ презрѣнію на сельскихъ жителей; дочь моя, разсуждая по непремѣннымъ расположеніямъ природы, можетъ быть земледѣліе есть первая должность и первое достоинство; и когда мы не будемъ прибѣгать къ свѣту разума, то послѣдуемъ нашему сердцу; оно не мо-

жетъ насъ обмануть; обманываетъ насъ иногда разумъ. Знай, что мы великое имѣемъ одолженіе занимающимся безпрестанно нашими нуждами; мы собираемъ каждой день плоды трудовъ ихъ, цѣну ихъ пота, а иногда и слезъ; словомъ, они поддерживаютъ нашу жизнь; а мы неблагодарные, мы можемъ отказать имъ въ нашей признательности, въ почтеніи?.... Въ почтеніи, вскричала Павлина! Такъ, сударыня, въ почтеніи. Трудолюбивая добродѣтель обитаетъ въ селахъ, и ее то мы должны любить и почитать. Какъ напримѣръ, смѣешь ты принимать съ такою холодностію ту добрую женщину, которая кормила тебя своимъ молокомъ, которая пеклась о твоемъ младенчествѣ, которая воспитала тебя съ толикимъ раченіемъ, и которая любитъ тебя какъ собственную свою дочь? — Матушка, можно бы ей опредѣлить пансіонъ. — Что ты говоришь, сударыня, это долгъ, которой одно чувствованіе можетъ заплатить. Я увѣрена, что одна ласка твоя, тронетъ Филипину болѣе, нежели все золото на свѣтѣ, которое можно ей дать. Кормилица много упо-

до-

добляется матери, а ты не понимаешь, что есть матерняя любовь.

Павлина слушала сіи наставленія безъ всякой пользы, и бѣдная Филипина не преставала съ своей дочерью приходить подвергаться безпрестаннымъ отъ нея униженіямъ; но она возвращалась довольна, когда наслаждалась хотя одну минуту присутствіемъ любезнаго своего дитяти: такъ она ее называла, однако не скрывала отъ Сюзетты, что желала бы видѣть другой себѣ пріемъ.

Сюзетта достигла уже тѣхъ лѣтъ, въ которыя не довольно одной дружбы для занятія сердца; и любовь есть такая нужда, которая чувствуется въ деревнѣ такъ же какъ и въ городѣ; и по тому дочь Филипины любила; но ето было съ воли ея матери, и честность не могла оскорбляться отъ сей склонности. Миловзоръ былъ щастливый оной предмѣтъ; хотя онъ былъ ни что иное, какъ сынъ не убогаго откупщика пашенъ, однако пріятностями своими могъ спорить съ самими модными щеголями; но хорошее свойство болѣе всего его отличало; Сюзетта казалась ему тѣмъ милѣе,

чѣмъ болѣе она имѣла причины жаловаться на щастіе. Я буду чувствовать, говорилъ онъ своему отцу, естли вы оставите въ мое разположеніе малую часть имѣнія, столько удовольствія разделяя оное съ Сюзеттою! она такъ честна! столько любитъ свою мать, что.... О! я буду работать за нее и за себя, я въ томъ увѣренъ, она заплатитъ приданое, коего она не имѣетъ. Откупщикъ любилъ своего сына, и не мыслилъ по примѣру городскихъ жителей. Онъ смотрѣлъ въ выборѣ супруги своего сына на одну взаимную склонность и исполненіе добродѣтели.

Равнымъ образомъ и дѣвица Монтикуръ достигла того времяни, въ которое родители помышляютъ объ утвержденіи состоянія своихъ дѣтей; она видѣла около себя тьму обожателей. Ея фамилія, которая не думала по примѣру отца Миловзорова, полагала первою выгодою, чинъ и избытокъ; она избрала Маркиза Блинзея, которой почиталъ въ Павлинѣ самою величайшею прелестію великое наслѣдство, котораго она ожидала. Заимодавцы убѣждали его жениться,

ниться, и Маркизъ искалъ въ бракѣ однихъ благосклонностей щастiя; ибо давно уже онъ вкушалъ благосклонности любви съ одною изъ тѣхъ подлыхъ красотъ, которыхъ снисхожденiе покупается деньгами; что не мало послужило къ разстройкѣ его дѣлъ; однако онъ умѣлъ играть предъ дѣвицею Монтикуръ любовника самаго нетерпѣливаго учиниться супругомъ. Онъ имѣлъ всѣ качества совершеннаго прельстителя: бренчалъ прекрасно на арфѣ, напѣвалъ со вкусомъ Италiянскiя пѣсенки, дѣлалъ стишки сверкающiя умомъ, принималъ всѣ ухватки, насмѣхался искусно, раздиралъ забавнымъ образомъ тѣхъ, которыхъ называлъ любезнѣйшими своими друзьями, и не забывалъ выхвалять живо и безстыдно общество, между которымъ онъ находился. Подъ выученнымъ учтивствомъ, скрывалъ онъ ужасное самолюбiе, а особливо дерзость и наглость, которую ни что не могло устрашить: въ слѣдствiе чего Блинзей наслаждался блестящею славою; онъ служилъ образцомъ придворнымъ и городскимъ повѣсамъ. Рѣшенiя его въ глубокой

бокой наукѣ бездѣлушекъ, толико уважаемыхъ между Французами, почитались оракуломъ. Особливо женщины отнимали его одна у другой; дѣвица де Монтикуръ, коей худо управляемое самолюбіе и всѣ сопутствующія оному недостатки, возрастали часъ отъ часу болѣе, почитала за лучшее въ свѣтѣ *быть дурою* отъ Маркиза, и сія ослѣпившая ее страсть имѣла основаніемъ то безумное тщеславіе, которое вскружаетъ столько головъ, приноситъ толико отвращеній, и доставляетъ столь мало удовольствій.

Однако были минуты, въ которыя Павлина сомнѣвалась о нѣжности Блинзея: правда ли, говорила она ему, что вы меня любите? — Вопросъ сударыня, чрезвычайно страненъ: не ужъ ли вы можете въ томъ сомнѣваться? Можно ли имѣть столько прелестей безнаказно? Всякой кто васъ увидитъ, необходимо долженъ въ васъ влюбиться и потерять умъ. Что принадлежитъ до меня, то я давно уже посвятилъ вамъ свой.... — Вашъ умъ, Маркизъ! — А для чегожъ, сударыня, не имѣть мнѣ ума? У меня такой же умъ, какъ и у всякаго другаго, точно такой,

такой, сударыня, а можетъ быть еще и надежднѣе. Остается вашему покорному слугѣ быть философомъ, въ прочемъ я приношу вамъ почести мою философiю: мудрецъ у вашихъ ногъ, есть самой нѣжный и самый страстный любовникъ, горящiй обладать вами; такъ прекрасная Павлина, я кленуся у ногъ вашихъ, что буду обожать васъ вѣчно; не страшитесь, чтобъ я учинился мужемъ, о! ни кто не умѣетъ любить такъ, какъ я, и я вамъ докажу....... Мнѣ хочется, чтобъ вы почитали меня единственною душею. — Какъ, сударь, не ужъ ли Павлина лишенная всѣхъ сихъ нарядовъ, имѣла щастiе вамъ понравиться? — Я пошелъ бы искать васъ въ самую отдаленную пустыню. Иногда, безъ шутокъ, ваше имѣнiе, и вашъ чинъ досаждаютъ мнѣ; я бы хотѣлъ, чтобъ вы были въ нищетѣ, отвержены отъ всего свѣта, дабы вкусить сладостное удовольствiе принести вамъ мое почитанiе; оно столько чисто, столько безкорыстно!

Гордость удобно обмануть; Павлина радовалась сему признанiю, а Маркизъ внутри сердца смѣялся ея легковѣрiю;

онъ

онъ испустилъ даже нѣсколько слезъ, ибо ето было изъ первыхъ его дарованій; онъ умѣлъ плакать къ статѣ; и поцѣловавъ руку дѣвицы де Монтикуръ, уходилъ радуясь всѣмъ грубымъ лживостямъ, которыя имѣлъ дерзостъ наговорить ей; въ прочемъ оба были несказанно довольны другъ другомъ.

Какое различіе между Маркизомъ и Миловзоромъ! Сей любилъ со всѣмъ восторгомъ и со всею нѣжностію, какую только можетъ внушить подлинная любовь. Онъ не пощадилъ бы жизни своей для Сюзетты; онъ твердилъ ей безпрестанно: ахъ! любезная Сюзетта, ежели бы ты знала, сколько я тебя люблю! послушай, я желалъ бы, чтобъ пришли мнѣ сказать: Миловзоръ, ты будешь завтре государемъ; а Сюзетта спросилъ бы я тотчасъ? Сюзетта не будетъ царицей. Я немедлѣнно отвѣчалъ бы: оставьте мнѣ мою соху и плугъ, и владѣйте сами царствомъ...., Клянусь, естли буду имѣть щастіе на тебѣ жениться, какъ я надѣюсь, я буду щастливѣе.... щастливѣе Французскаго Короля. Развѣ мы не все имѣемъ, когда обладаемъ любезнымъ намъ пред-

предмѣтомъ? Да и есть ли на свѣтѣ что нибудь подобное моей Сюзеттѣ? Я отдалъ бы всѣ наши виноградныя лозы, замокъ и самую деревню, ежели бы я былъ оной господинъ, чтобъ получить за то одинъ взглядъ отъ тебя.... Сюзетта, любишь ли ты меня столько?.... Дочь Филипины отвѣтствовала съ такою же искренностію: сіи любовники не вѣдали пріятностей и тонкостей выраженій. Миловзоръ всегда говорилъ своему отцу: не знаю, любовь придаетъ мнѣ силу которой еще я неиспыталъ; я увѣренъ, что когда женюсь на Сюзеттѣ, то въ двое буду работать; надобно только любить, чтобъ пуститься на невозможное; батюшка, вы непримѣтите, что я ничего не возьму приданаго, . . . ничего, я ошибаюсь, я всіо буду имѣть, ставши мужемъ Сюзетты, я чувствую что буду въ состояніи все дѣлать; благословеніе будетъ въ нашемъ домѣ, и мы въ скорости разбогатѣемъ.

Поступки молодаго поселянина были согласны съ его словами. Онъ для полученія согласія своего отца, работалъ столько сколько многіе люди вмѣстѣ;

Сю-

Сюзетта показывала равномѣрную дѣятельность. Въ чистыхъ и невинныхъ душахъ, любовь бываетъ источникъ добродѣтелей.

Они приближались къ соединенію. Филипина и отецъ Миловзоровъ вознамѣрились извѣстить о бракѣ ихъ дѣвицу де Монтикуръ: особливо старуха изъявляла желаніе ѣхать въ Парижъ съ женихомъ и невѣстою; она почитала за долгъ представить ей сихъ молодыхъ людей.

Они пріѣзжаютъ къ господину де Монтикуръ; дочь его сидѣла тогда съ Блинзеемъ, коего равномѣрно назначенъ былъ бракъ въ скоромъ времени; онъ говорилъ съ нею о ближнемъ своемъ благополучіи съ тою живостію и способностію рѣчи, которая толико безтолкова, и которая оскорбляетъ чувствованіе; блестящій послѣдняго вкуса уборъ его, казалось изъявлялъ вѣтренность его души; все на немъ было мишура, легкое шитье, полушелковая матерія; какой предмѣтъ сравненія съ Миловзоромъ, которой лѣтомъ былъ въ суконномъ кафтанѣ, въ рубашкѣ довольно тонкой, но безъ манжетъ, и ко-

котораго свѣжее и румяное лице показывало здоровье откровенность и чистую совѣсть? Въ семъ видѣ поселянинъ показывается глазамъ щеголеватаго вертопраха; Миловзоръ держалъ невѣсту свою за руку, а отецъ его началъ говорить дѣвицѣ де Монтикуръ: я не хотѣлъ сударыня, чтобъ сынъ мой имѣлъ честь сочетаться съ вашею сестрицею, прежде нежели будете вы о томъ увѣдомлены; я осмѣливаюсь испросить вашего покровительства моимъ дѣтямъ.

Павлина принимаетъ сей родъ почтенія съ презрительнымъ видомъ, которой Филипину во внутренности еще болѣе огорчилъ? — Онъ не дуренъ (оборотясь къ Блинзею) для крестьянина, какъ вы думаете? А дѣвочка (смотря на Сюзетту) въ самомъ дѣлѣ имѣетъ нѣкоторую пріятность. Крестьянинъ! прерываетъ съ досадою кормилица; крестьяниномъ, сударыня, можетъ быть всякой. — Мама, не въ духѣ! (поселянинъ ворчалъ сквозь зубы и не могъ удержать своей чувствительности). Блинзей вмѣшивается въ разговоръ, чтобъ увеселить дѣвицу Монтикуръ и дать поня-

тіе о своемЪ дарованіи шутить: — какЪ! сіи люди вздумали любиться! А для чегожЪ не такЪ, милостивой государь, сказалЪ огорченный МиловзорЪ? Мы имѣемЪ сердце такое же какЪ и вы, и я конечно не промѣню своего на ваше. — Конечно по тому, что ты Сюзетту свою почитаешь несравненною красотою? Надобно признаться, что ето изрядная Брюнетка. Дѣвица де МонтикурЪ очень хороша предпринялЪ МиловзорЪ, но я не предпочту ее Сюзеттѣ (при семЪ словѣ поднялся великой смѣхЪ) вы можете сударь надЪ нами смѣяться; но развѣ для ухватокЪ любятЪ? Мнѣ кажется для свойства, а Сюзетта столько же добросердечна сколько и пріятна. А ты прелестница господина Миловзора, предпринялЪ вертопрахЪ, подними глаза, посмотри на меня: ежели бы мнѣ вошло вЪ голову дурачество жениться на тебѣ, то не лучше ли бы ты любила меня, какЪ нареченнаго своего жениха? — О нѣтЪ сударь! вы очень хороши; но МиловзорЪ каковЪ онЪ есть, мнѣ болѣе нравится нежели всѣ Парижскіе господа. МиловзорЪ глазами благодарилЪ чувствительно свою возлю-

бленную.

бленную. Ето начинаетЪ мнѣ скучать, сказала Павлина, для чего впускать сихЪ людей, когда я вЪ обществѣ? При словѣ людей, Филипина полила слезы: — Павлина.... сударыня' не сЪ нынѣшняго дня примѣтила я, что мы вамЪ противны; я думала сдѣлать вамЪ честь..... не сочтите, чтобЪ я просила у васЪ чего нибудь; я лучше соглашусь просить милостины, дочь моя и я сама..... (Сюзетта проливаетЪ такЪ же слезы) — Не плачь Сюзетта мы никогда сюда не прійдемЪ... вы очень надменны, сударыня, по тому что почитаете себя богатою и благородною. — Что хочетЪ сказать сія женщина? Я почитаю себя богатою, благородною, она думаетЪ надомною насмѣхаться..... (оборотясь кЪ людямЪ) выведите ихЪ вонЪ! ТакЪ, предпріемлетЪ Филипина, сЪ чувствомЪ отчаянія, мы выйдемЪ, мы поспѣщимЪ убѣжать.. О! Боже! ожидала ли я таковыхЪ ударовЪ! (Блинзей хочетЪ вытолкнуть Филипину изЪ покоевЪ) не будьте наглы, сударь, прибавила она;... ахЪ Сюзетта, такого ли пріема должны мы были надѣяться? она не знаетЪ ... нѣтЪ, я ничего не скажу,.... ничего не скажу.

Сїе непрїятное приключенїе дошло до господина и госпожи де Монтикуръ. Они пришли не медленно и весьма тронуты были состоянїемъ бѣдныхъ поселянъ. Госпожа де Монтикуръ узнавши оному причину, обременила дочь свою самими строгими выговорами. Павлина проливала слезы отъ озлобленїя. Сударыня, вскричала кормилица, не огорчайте ее: я не могу вынесть досады, которую вы ей причиняете. Ахъ! Павлина .... сударыня . . . я васъ болѣе не увижу: будьте щастливы; небо меня наказываетъ ..... и точно за васъ!

Добросердечная старуха не могла продолжать. Рыданїе прервало ея голосъ: дѣвица де Монтикуръ въ великомъ озлобленїи приказываетъ чтобъ освободили ее отъ сей негодной, такое было ея выраженїе. Тутъ Филипина показываетъ всю свою досаду: — ты неблагодарна, безчувственна.... однимъ словомъ я могла бы! о небо! . . . вотъ мнѣ награжденїе! вотъ мзда толикїя любви! я все для васъ здѣлала! . . . нѣтъ, я не возвращусь въ деревню, а умру здѣсь у ногъ той.... которая и теперь еще мнѣ любезна.

Ми-

Милостивой государь (Блинзею), не выгоняйте насъ . . . меня выгонять, меня! и отъ кого я получаю сей стыдъ? . . . Называть меня негодною! . . . Такъ, ежели бы я меньше тебя любила . . . . (Сюзеттѣ Миловзору и отцу его) пойдемъ, убѣжимъ, выйдемъ изъ сего дома, чтобъ никогда въ оной не возвращаться.

Начали успокоивать Филипину, и приглашали ее провести нѣсколько дней въ Парижѣ: — О! нѣтъ, я не останусь ни дня, ни часа; сей нещастной городъ портитъ сердца. Павлина въ деревнѣ, никогда не имѣла сего жестокосердія! . . . . хорошо я заплачена за мою любовь! . . . такъ, я могла бы отмстить, но забудемъ; я рѣшилась: не буду васъ тревожить моимъ присутствіемъ.

Сіи добрые люди не хотѣли принять ни малѣйшаго подарка отъ господина и госпожи де Монтикуръ; а откланявшись поѣхали обратно въ свою деревню.

Слуги сказывали, что Филипина часто повторяла, что однимъ словомъ могла унизить гордость молодой ихъ госпожи; она присовокупила, что небо не прогнѣвлялось безнаказно. Сіи выраженія

 не

не представляли господину и госпожѣ де Монтикурѣ никакого смысла; однако они досадовали и не могли простить своей дочерѣ таковаго неблагопристойнаго поступка

Сюзетта раздѣляла печаль своей матери, и спрашивала у нее безпрестанно изъясненія тѣхъ прерываемыхъ словъ, которая, она выговаривала. Филипина отвѣтствовала ей одними продолжительными вздохами. Она говорила токмо: ахъ! сколько я огорчена! и кто меня оскорбляетъ до сего степени? Наконецъ они пріѣзжаютъ въ деревню. Съ сего времени, бѣдная старуха наблюдала томное молчаніе, плакала безпрестанно, обнимала Сюзетту; уходила скоропостижно отъ нея, обращала всегда глаза на небо, и не хотѣла принимать пищи. Свадебныя пріуготовленія остановились. Филипина довольствовалась говорить Сюзеттѣ, положа руку на сердце: здѣсь у меня болѣзнь. Я отъ нее не излѣчусь — ахъ Павлина, Павлина, ты меня умерщвляешь.

Между тѣмъ Блинзей забавлялъ свою невѣсту на щетъ бѣдныхъ крестьянъ: онъ напоминалъ ей нескладной видъ

Ми-

Миловзора, стыдливую робость Сюзетты, и грубость Филипины: — удивлялись ли вы наглости сихъ земныхъ червей? они говорятъ, жалуются! не сохранили почтенія къ госпожѣ Филипинѣ. Ха, ха, ха, надобно признаться что приключеніе очень странно; сіи твари думаютъ имѣть существованіе.

Наконецъ дѣвица де Монтикуръ готова была итти къ олтарю; всѣ моды были истощены для пріуготовленія ей брачныхъ одеждъ; она видѣла себя на верьху своихъ желаніи; она сочеталась съ человѣкомъ высокой породы, гордость ея могла быть удовольствована; балы, отличія и почести ожидали ее; она долженствовала даже нѣкоторое время уважаема быть и при дворѣ! Какая лестная судбина! тогда то красота ея и тщеславіе будутъ равномѣрно удовлетворены; колико будетъ обожателей у ея ногъ! Какъ она напьется по волѣ сладкимъ ядомъ кокетства и щастія! сими блестящими мыслями занималося ея воображеніе.

Родителямъ ея докладываютъ, что Филипина была при смерти, и желаетъ

непремѣнно прежде издыханія сообщить имъ весьма важную тайну: она просила ихъ, чтобъ они пуще всего не забыли взять съ собою дѣвицу де Монтикуръ. Господа де Монтикуръ вознамѣрились ѣхать къ ней; но Блинзей понуждаемъ будучи жениться, хотѣлъ чтобъ сіе торжество совершилось прежде проклятой поѣздки (такъ онъ ее называлъ), которую господинъ и госпожа де Монтикуръ могли по мнѣнію его оставить; однако надлежало уступить. Павлина радовалась нетерпѣнію Маркиза; она не имѣла ни малѣйшаго сомнѣнія въ его чувствіяхъ; ей казалось, что любовь его была наипостояннѣйшая. Ну, сказалъ онъ своей любовницѣ, когда родители ваши имѣютъ безуміе ѣхать присутствовать при иступленіи старой дуры, то и я съ вами поѣду; прелестная Павлина, ни что не можетъ насъ съ тобою разлучить; мы увидимъ зрѣлище, которое правда и не забавно, но любовь украшаетъ все; она будетъ намъ сопутствовать; я пойду испросить позволенія у господина и госпожи де Монтикуръ, они мнѣ въ томъ не откажутъ. Кормилица ваша кажется

мнѣ

мнѣ изрядная комедїанка; вы увидите что она не умретъ до прїѣзду вашего батюшки; и все ето кончится пансїономъ, которой она хочетъ просить для своей Сюзетки. О! я въ томъ увѣренъ!

Дѣвица де Монтикуръ и родители ея, сопутствуемые Маркизомъ и множествомъ слугъ, приѣхали въ деревню, гдѣ жила Филипина; они вошли сперва въ простую хижину. Блинзей не покидалъ своихъ шутокъ; онъ удивлялся предъ своею невѣстою величеству, которое видимо было, говорилъ онъ въ невинныхъ жилищахъ пастуховъ, богатому строенїю и превосходнымъ украшенїямъ ихъ чертоговъ. — Такъ то жили наши добринькїе старики; и подлинно господа стихотворцы имѣютъ причину хвалить прекрасной золотой вѣкъ: онъ достоинъ нашего сожалѣнїя.

Между тѣмъ приближались къ смиренной хижинѣ, гдѣ лежала бѣдная Филипина; Сюзетта подлѣ ея утопала въ слезахъ, такъ какъ и Миловзоръ, которой раздѣлялъ ея печаль; священникъ поддерживалъ голову умирающей, а при концѣ постели стоялъ столикъ, на ко-

торомъ лежала бумага и чернильница: толпа зрителей окружила ихъ. Какъ скоро Филипина увидѣла отца и мать Павлины: — простите, милостивые государи, что я васъ сюда призываю; его священство говоритъ, что я ни какъ не могу безъ прогнѣвленія Бога скрыть отъ васъ тайны . . . . которая для васъ великой важности, а . . я . . я уже умираю; я прошу у васъ прощенія заблаговременно; удостоите ли простить меня. Любопытство изображается на лицахъ: всѣ находятся въ сомнѣніи; что за тайна которую она хочетъ открыть? Самъ Маркизъ нетерпѣливо желаетъ узнать оную. Господа де Монтикуръ, ободряютъ старуху и обѣщаютъ, что какое бы ни было признаніе, она можетъ надѣятся получить прощеніе; казалось что силы ея ожили, и она воспріявъ голосъ говорила? — Дорого мнѣ стоитъ здѣлать, таковое признаніе! вы видите виновную женщину, которая кается со всею искренностію . . . . любовь моя къ дочери моей . . . . ослѣпила меня до того, что я учинила ужасное беззаконіе . . . . но простите ли вы меня? Повторяютъ ей

прежднее обѣщанiе, и священникЪ убѣждаетЪ ее изЪясниться; тогда она наклонивЪ голову, и ослабшимЪ голосомЪ сказала: я подложила дочь мою на мѣсто вашей: Павлина Сюзетта, а Сюзетта Павлина.

Никогда громовой ударЪ не былЪ разительнѣе. Дѣвица де МонтикурЪ упадаетЪ полумертвая подлѣ постели, испустивЪ ужасной крикЪ: — я Сюзетта! сiи токмо слова могла она произнесть. Сюзетта сЪ своей стороны, бросается кЪ господамЪ де МонтикурЪ, которые принимаютЪ ее отверстыми руками, и говоритЪ: какЪ! ето мои родители! Блинзей пораженный равномѣрнымЪ удивленiемЪ отступаетЪ нѣсколько шаговЪ. Все собранiе чрезЪ различные знаки, изЪявляетЪ свое удивленiе. Филипина продолжаетЪ свою исповѣдь, которая наконецЪ утверждена была самыми ясными доказательствами, что крестьянка подложена была на мѣсто дворянки, и что дворянка была простая крестьяка; старуха проливаетЪ слезы и хочетЪ обнять свою дочь, но сiя отвергаетЪ ея ласки, выходитЪ скоропостижно изЪ хижины, покрывЪ лице плат-

платкомъ, и бѣжитъ схватить ножъ которой по случаю ей попался; она подняла уже руку чтобъ заколоться; но господинъ де Монтикуръ, которой слѣдовалъ за нею, оставилъ ее и старался привести ее въ разсудокъ.

Миловзоръ почиталъ сїе произшествїе сновидѣнїемъ; онъ протиралъ себѣ глаза и безпрестанно смотрѣлъ на Сюзетту, которой онъ примѣчалъ всѣ движенїя и взоры. Сюзетта, которую мы будемъ называть Павлиною, была въ объятїяхъ госпожа де Монтикуръ, которая не переставала ее лобызать. Молодой поселянинъ началъ чувствовать нѣкоторую досаду; любезная его не говорила ему ни слова; онъ опасался уже, чтобъ сїя нѣпредвидимая перемѣна не была и ему предосудительна. Маркизъ съ своей стороны погруженъ былъ въ задумчивости; но наконецъ вышедши изъ оной вскричалъ: — вотъ право странная комедїя, однако я не ожидалъ таковой развязки.

Господинъ де Монтикуръ не покидалъ подлинной Сюзетты; онъ старался успокоить ея отчаянїе, обѣщавалъ пещися о ея благополучїи и увѣрялъ, что

всегда

всегда будетъ имѣть къ ней отеческую любовь: — Я не ваша дочь! . . . . я не ваша дочь! я бѣдная крестьянка! я въ стыдѣ, въ срамѣ! . . . . . ахъ! гдѣ Блинзей? . . . . увы! я все потеряла; всѣ меня оставляютъ, даже и Маркизъ! Блинзей показывается въ сію минуту: — Маркизъ, говорилъ ему господинъ де Монтикуръ, подите, поспѣшите усладить горестное положеніе моей дочери; Сюзетта всегда сохранитъ сіе драгоцѣнное сердцу моему имя: но Блинзей не приближался съ тою живостію, которую долженъ ощущать любовникъ; и когда подошелъ къ господину де Монтикуръ, то говорилъ болѣе съ нимъ нежели съ нещастною, которая умирала отъ печали: — въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько трудно перенести таковой ударъ, сказалъ Блинзей, надобно быть философомъ . . . . кто могъ сего ожидать? что до меня, то я самъ себѣ не вѣрю . . . . . Ахъ! Блинзей, говоритъ Сюзетта, въ какую я низринулась бездну! я покрыта уничиженіемъ. — Правда что ето странная судбина; не быть болѣе дѣвицею де Монтикуръ, всѣмъ блестящимъ надѣяніямъ изчезнуть! быть Сюзеттою! — да, я,

я, Сюзетта, жалостнѣйшая и презрительнѣйшая изъ женщинъ! кто удостоитъ теперь посмотрѣть на меня?... Блинзей, ваша любовь..... (она примѣчаетъ нѣкоторую перемѣну на лицѣ Маркиза) вы ничего не говорите! вы меня не утѣшаете! ваше сердце;.... Господинъ де Монтикуръ принялъ рѣчь, и оборотясь къ Сюзеттѣ — Ежели Блинзей любитъ васъ съ такимъ жаромъ, какъ я о томъ думалъ, то я могу дать вамъ приданое, которое приведетъ васъ въ состоянїе быть его супругою. Приданое не столь будетъ великое, какое бы я далъ имѣя васъ моею дочерью, но его будетъ довольно для того, кто предпочтетъ чувствованїе богатству; не правда ли Маркизъ? — Право я замѣшанъ, растроенъ... посмотрю.... Старуха можетъ быть выдумала басню... положитесь на меня; я постараюсь все развѣдать.....

Блинзей уходитъ по сихъ словахъ, которыхъ онъ не докончалъ; замѣшательство его не скрылось отъ господина де Монтикуръ, а особливо отъ дочери Филипины. — Ахъ сударь, безполезно обманывать меня все пронзаетъ мнѣ сердце, и самой Блинзей!

Оста-

Оставимъ господина де Монтикуръ, старающагося знаками сострадания и благотворенія усладить свирѣпой рокъ злополучной Сюзетты, и полетимъ съ Маркизомъ къ новой Павлинѣ. Миловзоръ не терялъ ее изъ виду ни на одну минуту; но она меньше уже занималась своимъ любовникомъ; многія различныя впечатлѣнія изъявлялись въ другъ на ея лицѣ; можно было примѣтить сквозь сію разность скоропостижныхъ движеній, удовольствіе причиненное ей незапною перемѣною; она мало внимала рѣчамъ кормилицы, которая просила у нея прощенія, что столь долго лишила ее ея состоянія; однако имѣла великодушіе пойти къ Сюзеттѣ, которая не взирая на всѣ слова господина де Монтикуръ, оставалась погруженною въ глубочаишемъ изступленіи: Павлина конечно не могла забыть униженій понесенныхъ ею отъ дочери Филипины, однако въ семъ случаѣ внимала одной своей жалости. Сіе приносящее честь природѣ чувствіе, не ужъ ли превышаетъ въ человѣческомъ сердцѣ и самыя движенія гордости? Или настоящее положеніе Сюзетты, давало болѣе

чув-

чувствовать дѣвицѣ де Монтикуръ цѣну будущей жизни, которую казалось она вновь получила? Она увѣряла въ дружбѣ нещастную дочь своей кормилицы, которой сіи знаки милости умножали еще болѣе отчаяніе. Благодѣянія нижшаго, которой по не предвидимому случаю возвысился выше насъ, суть безъ сомнѣнія самыя чувствительныя для самолюбія оскорбленія. Оно не прощаетъ великодушія его и почитаетъ услуги его краемъ нещастія и обиды. Душа Сюзетты поражена была всѣми ударами.

Блинзей пошелъ за дѣвицею де Монтикуръ къ священнику, гдѣ ожидали служанки ея матери, чтобъ снять съ нее платье, и надѣть не столь грубое, которое на скоро привезли изъ ближняго города. Маркизъ не преставалъ осыпать похвалами Павлину, которую онъ имѣлъ подлость хвалить на щетъ Сюзеттиной красоты; дѣвица де Монтикуръ примѣтила сей постыдной поступокъ: — смотрите сударь, какъ хорошо быть дворянкою! за минуту предъ симъ вы на меня не хотѣли и взглянуть; вы мнѣ не говорили такихъ пріятностей когда я приходила

ходила къ сестрицѣ въ Парижъ; ибо она всегда будетъ моею сестрою, а . . . . вы ее любили. Отвѣтъ Блинзея было то сплетенїе словъ, которое производитъ иногда прїятныя выраженїя, но которое ничего не значитъ. Ни Павлина, ни Сюзетта не трогали его; ему надобна была богатая наслѣдница господина де Монтикуръ.

Поставили у пастора для Павлины родъ туалета; она вкушала можетъ быть въ первый разъ въ жизни удовольствїе примѣчать нѣкоторыя раждающїяся прелести въ небольшомъ зеркалѣ, коего довольно однакожъ было для впечатлѣнїя кокетства открывавшагося въ душѣ дѣвицы де Монтикуръ. Ето нѣкоторымъ образомъ первое впечатлѣнїе, которымъ женщины бываютъ движимы.

Молодая крестьянка довольно себя видѣла въ семъ стеклѣ, чтобъ радоваться превращенїю; она воспалена уже была желанїемъ нравиться; простота Сюзетты примѣтно изчезала; она слышитъ нѣкоторой шумъ. Какъ! (говорили) не ужъ ли можно перемѣниться въ столь короткое время? Пожалуйте сударь (го-

 во-

ворили лакеямъ) пустите меня къ дѣвицѣ Сюзеттѣ, нѣтъ къ дѣвицѣ Павлинѣ. Ну, скажите ей . . . . что ето другъ ея, другъ ея Миловзоръ; я всегда буду ея другомъ.

Дѣвица де Монтикуръ узнаетъ голосъ и приказываетъ чтобъ не препятствовали войти поселянину: сердце его было стѣсненно и слезы были на глазахъ; онъ отступаетъ нѣсколько шаговъ, увидя любовницу свою окруженную многими женщинами, которыя помогали ей одѣваться, — Ты . . . . вы очень хороши, сударыня! какъ! вы уже со всѣмъ готовы къ вѣнцу! Къ вѣнцу любезный Миловзоръ, прерываетъ Павлина испустивъ тяжкой вздохъ. — А для чего не такъ? не ужъ ли вы здѣлавшись Павлиною перемѣнили и сердце? Не надлежало ли намъ соединиться? Другъ мой, сказала одна изъ женщинъ, подумай что дѣвица де Монтикуръ теперь въ такомъ состоянiи, которое запрещаетъ тебѣ говорить съ нею такъ вольно: —— Любезный Миловзоръ, предпрiемлетъ Павлина, я обѣщаваю тебѣ вѣчную дружбу:. . . . разность состоянiй . . . . . надобно оставить то, что содѣлало бы

ща-

щастїе Сюзетты. Родители мои приказали мнѣ . . . . Миловзоръ, я не властна. — Что ето, вскричалъ молодой человѣкъ? Я воображалъ, что довольно было для брака одной истинной любви. Я, я ежели бы учинился господиномъ сей деревни, то тотъ часъ бы на тебѣ женился; подите, сударыня . . . . я не думалъ . . . вы меня умертвите отъ горести . . . . Сюзетта, ето очень дурно.

Павлина была чувствительно тронута положенїемъ Миловзора; однако посредѣ сожалѣнїй не теряла изъ виду своего туалета. Маркизъ приходитъ пересмѣхать немилосердо честнаго поселянина. Дѣвица де Монтикуръ раздражается противу Блинзея, и вступается съ живостїю за Миловзора; отецъ сего послѣдняго предъупрежденный уже госпожею де Монтикуръ, входитъ въ комнату гдѣ была Павлина и уводитъ своего сына, которой задыхался отъ рыданїя.

Теперь дѣвица де Монтикуръ во всемъ блистанїи нарядовъ и новаго своего состоянїя. Они готовятся возвратиться въ Парижъ. Филипина, которая была при дверяхъ смерти возвращалась къ жизни,

а Миловзоръ умиралъ отъ горести. Павлина любила еще безъ сомнѣнія: она весьма желала бы согласить гордость свою и любовь, ибо тщеславіе заразило уже развратительнымъ своимъ дуновеніемъ сію толико чистую, и толико наполненную истинною нѣжностію душу, и каждую минуту сія зараза дѣлала новые успѣхи.

Павлина увидѣлась на единѣ съ прежнимъ своимъ любовникомъ: — любезный Миловзоръ, говорила она ему, не печалься, ты всегда будешь мнѣ милъ. Но разсуди самъ, прилично ли мнѣ покориться моей склонности: ты видишь, что я теперь дворянка, а говорятъ, что дворянкѣ не можно имѣть мужемъ поселянина. — Такъ, прерываетъ Миловзоръ, проливая горкія слезы, когда кто здѣлался непостоянною, измѣнницею, подите! вамъ можно теперь жить въ семъ проклятомъ Парижѣ, гдѣ никто не любитъ! Какое различіе! я вамъ сказывалъ: когда бы я здѣлался вдругъ большимъ бариномъ, царемъ, я тотчасъ побѣжалъ бы искать васъ въ поляхъ, и повелъ бы къ олтарю; какое вѣроломство! для того что вы дворян-

рянка .... Всѣ ваши прекрасные дворяне, всѣ ваши Маркизы не будутъ васъ любить столько, сколько Миловзоръ любилъ васъ, ... да я и теперь еще тебя люблю, и всегда буду любить; ето будетъ причиною моей смерти, и вы вскорѣ объ оной узнаете .... я не хочу вамъ дѣлать упрековъ. — Другъ мой, послушай меня: я тебѣ сказала, что ты всегда будешь пользоваться моею дружбою, я буду тебѣ помогать , ... — Помогать! мнѣ помогать! я соглашусь лучше умереть сто разъ съ голоду, нежели что нибудь отъ васъ принять: для малаго времяни, которое осталось мнѣ жить, я довольно имѣю .... помогать? Нѣтъ; надобно любить! ты неблагодарная .... ради Бога! скажи мнѣ еще, милъ ли я тебѣ? я ето столько чувствую, что не возможно мнѣ никогда тебя забыть; образъ твой всегда будетъ въ моей душѣ, и нѣтъ средства истребить его оттуда. На свѣтѣ была одна только Сюзетта; и мнѣ нѣтъ возможности любить другую.

Дѣвица де Монтикуръ, наученная отцемъ своимъ и матерью, безполезно упо-

требляла доказательства противъ правдиваго человѣка, которой ничего не слушалъ кромѣ чувствованія, и которой послѣдовалъ всему напряженію и искренности своего сердца.

Маркизъ встрѣчаетъ господина де Монтикуръ, которой прохаживался въ небольшомъ саду отдѣленномъ отъ деревни заборомъ; онъ подходитъ къ нему съ видомъ размышленія: — вы очень уединенны, сударь! — я оставилъ жену мою и дочь подлѣ бѣдной Сюзетты, которой участь несказанно меня огорчаетъ; не скоро можно привыкнуть къ таковымъ перемѣнамъ: но я вамъ сказалъ, что я постараюсь наградить сіе хорошимъ приданымъ; она получила знатное воспитаніе, пріятна и добродѣтельна; вы казалось мнѣ любили ее искренно; родъ ее хотя низокъ, однако не приноситъ ей безчестія: дочь поселянина непредпочтительнѣе ли тѣмъ богатымъ наслѣдницамъ, которые отличены отъ послѣдняго состоянія гражданъ одними хищеніями и подлостями ихъ родителей? Я, я не устыдился бы взять жену, коей предки были бы добрые земледѣльцы; да еще же-

желалъ бы лучше имѣть родителей занимающихся земледѣлiемъ, нежели быть рожденнымъ въ семьи, которая богатствомъ своимъ и возвышенiемъ обязана была злодѣйству. — Конечно Сюзетта достойна любви, я не говорю, чтобъ природа не одарила ее прiятностями ... Но, Маркизъ! прерываетъ господинъ де Монтикуръ, вы мнѣ говорите чуднымъ голосомъ! любовникъ изъясняется съ большею горячностiю.. — Любовникъ сударь . . . любовникъ не долженъ терять благопристойности изъ виду; здѣсь дѣло идетъ о бракѣ; я покоренъ необходимымъ предразсудкамъ, родъ мой, свѣтъ . . . . вашъ союзъ много меня льстилъ. Словомъ, сударь, я любилъ дочь вашу, и.... ни мало и теперь не перемѣнился; я буду продолжать снискивать любовь . . . . Дѣвица де Монтикуръ можетъ всякаго здѣлать непостояннымъ; сверхъ того я признаюсь вамъ, что желаю быть съ вами въ свойствѣ: вы внушили въ меня такую дружбу .... я на васъ хотѣлъ жениться.

Блинзей не могъ болѣе говорить. Женщина размученная печалiю, бросается сквозь худой плетень, и упадаетъ полумер-

мертвая подлѣ господина де Монтикуръ, которой пріемлетъ ее въ свои объятія; ето была нещастная Сюзетта; она не могла ничего выговорить кромѣ сихъ словъ: ты, отъ котораго я почитала себя любимою! . . . . Мнѣ остается одна смерть! Она опирается головою на грудь господина де Монтикуръ, котораго первое стараніе было помочь сей нещастной и утѣшить ее; по томъ онъ обращается къ Маркизу: государь мой, теперь я узналъ васъ; я вижу какой былъ предмѣтъ вашей нѣжности; вы заражены были моимъ имѣніемъ; нѣтъ, сударь, таковыя поступки заслуживаютъ съ моей стороны рѣшительное изъясненіе; я отмщеваю за Сюзетту, объявляя вамъ, чтобъ вы забыли меня и мою фамилію, отказались бы навсегда . . . . — Оставьте, сударь, выраженія, которыя мнѣ не прилично слушать, вы пахнете рыцарскимъ вѣкомъ. О' я не люблю романовъ; предложеніе мое не нравится вамъ; такъ тому и быть, сударь! но вы мнѣ позволите искать щастіе въ другомъ мѣстѣ: утѣшайте плачущихъ, поправляйте ошибки; а я ѣду тотчасъ въ Парижъ; я не вино-

новатЪ, сударь, что негодной случай здѣлалЪ крестьянку изЪ вашей дочери. ВЪ прочемЪ ничего не потеряно; вамЪ то угодно, и я оставляю васЪ; и тотчасЪ позвалЪ своихЪ людей и поскакалЪ какЪ молнїя вЪ столицу.

Сюзетта предается несказанному отчаянїю: — вотЪ что любовь! жестокой Блинзей! чудовище злодѣйства, безчеловѣчїя, вѣроломства! я была обманута до сего степени! глаза мои открылись, и что я должна представлять? (она обращается кЪ господину де МонтикурЪ) вы помѣшали мнѣ окончить мои напасти! я почитала васЪ отцемЪ; хотя для сего толико драгоцѣннаго имени прекратите мою жизнь; симЪ однимЪ благодѣянїемЪ хочу я обязана быть людямЪ; сЪ сего времени буду гнушаться ими . . . . вы сами . . . какой пагубный случай помѣстилЪ меня вЪ вашемЪ домѣ, и далЪ мнѣ уразумѣть . . . . чего бы я не должна скрывать; вЪ моемЪ положенїи не можно имѣть, кромѣ того чувствованїя, которое есть верхЪ нещастїя, сожалѣнїе; сожалѣнїе! а сей варварЪ, котораго я любила, не оказалЪ мнѣ и сего слабаго знака человѣчества!

Госпожа де Монтикуръ не вѣдая причины скоропостижнаго Маркизова отъѣзда, пришла къ своему супругу: она узнаетъ новую причину горести, въ которую Сюзетта погружена была; утѣшаетъ ее и ласкаетъ; но дочь Филипины была нечувствительна ко всѣмъ симъ знакамъ сострраданія, или лучше была оными огорчена еще болѣе. Священникъ, которой соединялъ съ разумомъ превосходное сердце, входитъ въ рѣчь, и старается трогающими и умиленными представленіями, привести Сюзетту въ разсудокъ.

Приготовлялись возвратиться въ Парижъ. Господинъ и госпожа де Монтикуръ вознамѣрились взять съ собою Сюзетту, которая узнала ихъ намѣреніе; равномѣрно и дочь ихъ думала заставить ее забыть претерпѣнную ею перемѣну: и такъ ожидали только для оставленія деревни сей нещастной, оставленной съ пасторомъ, которой старался ее успокоить. Но какой предмѣтъ поражаетъ взоры! дочь Филипины бѣгущая въ деревенскомъ одѣяніи, и несущая подъ рукою узелъ, которой она отдаетъ господину

де

де Монтикуръ. О! небо, вскричалъ онъ, къ чему сія одѣжда? Ето платье, говоритъ Сюзетта съ родомъ скрытой ярости, ето платье приличествуетъ новому моему состоянію; а вотъ, сударь, то, которое безполезно будетъ напоминать мнѣ прошедшее мое положеніе; я возвращаю вамъ оное въ собственныя ваши руки. Я была ваша дочь, я уповала наслаждать сябогатствомъ, забами и почестями, но теперь вижу себя крестьянкою, послѣднею тварью; я буду привыкать къ духу, свойству и чувствованіямъ смиренія; я пріемлю съ радостію всѣ труды, усталости и стыдъ, съ которыми соединено новое мое состояніе. Сіи руки будутъ пріобыкать раздирать нѣдра земныя, и ежели я буду проливать слезы, то по крайней мѣрѣ не будутъ имѣть безчеловѣчнаго удовольствія видѣть ихъ текущихъ; все учинилось для меня ненавистнымъ, несноснымъ; я мержу всею природою; я сама собою гнушаюсь; о Боже, избави меня отъ сей отяготительной жизни!

Сюзетта проливаетъ потокъ слезъ; испускаетъ вопли; хотятъ ей говорить;

рить; но она даетъ знакъ, что рѣшилась ничего не слушать; дѣвица де Монтикуръ идетъ къ ней съ соболѣзнованіемъ: — любезная сестрица, не оставляй насъ, поѣдемъ съ нами въ Парижъ: — Чтобъ вамъ служить, сударыня, подхватила Сюзетта! оставьте меня; видъ вашъ умножаетъ лишь мое мученіе! наслаждайтесь своимъ благополучіемъ; питайтесь по волѣ моимъ уничиженіемъ; оно совершенно; такъ, вы дѣвица де Монтикуръ, а я Сюзетта, которую обманулъ неблагодарной Блинзей; которую должно всѣмъ оставить, бросить, забыть. Я была во снѣ: но какое ужасное пробужденіе!

Не можно вообразить подобной картины. Филипина обнимала дочь свою, которая сопротивлялась ея ласкамъ. Господинъ и госпожа де Монтикуръ, Павлина и священникъ изъявляли равномѣрную печаль; господинъ де Монтикуръ возобновивши разговоръ, началъ говорить объ назначеніи Сюзеттѣ пансіону. Но сія опамятовавшись вдругъ вскричала: не довольно ли я, сударь, злополучна? По что присовокуплять посрамленіе къ моему нещастію? Благодѣянія! благодѣянія

про-

происходящія отъ сожалѣнія! Нѣтъ, сударь, повѣрьте что у меня осталося еще нѣсколько гордости; я употреблю оную на подкрѣпленіе безъ всякой помощи печальнаго моего состоянія: себѣ самой обязана я буду бѣдною моею жизнію; поѣзжайте, я буду имѣть еще столько любочестія, чтобъ возвыситься свыше новаго моего состоянія. Я научусь трудиться, презирать всю вселенную . . . умирать.

Господинъ де Монтикуръ безполезно уговаривалъ ее; Сюзетта пребивала непоколебима, и часъ отъ часу показывала болѣе озлобленія и высокомѣрія.

Миловзоръ съ своей стороны не менше досадовалъ на свой жребій; онъ уходитъ тайно изъ отцовскаго дому; ежели онъ не могъ говорить о своей любви, по крайней мѣрѣ желалъ вкусить удовольствіе насладиться присутствіемъ прежней своей любовницы; одинъ взоръ дѣвицы де Монтикуръ возвратитъ ему жизнь. Она выходитъ изъ филипиникой хижины: Миловзоръ приближается къ ней съ трепетомъ; ему столько надобно было ей сказать! онъ хотѣлъ говорить, но голосъ

лосъ его изчезаетъ и онъ упадаетъ полумертвъ къ ногамъ Павлины, которой вся нѣжность возобновилась; она старается его поднять. — Другъ мой, въ какомъ состоянiи я тебя вижу? Для чего не могу я располагать своею участiю! о, я думаю что не взирая на мой родъ, которой насъ раздѣляетъ, я соединюсь съ тобою: но Миловзоръ, у меня есть отецъ, мать, они мои властители, они запрещаютъ даже и думать о тебѣ. — Сюзетта,... сударыня.... простите, я любилъ васъ такъ нѣжно, такъ нѣжно! я почиталъ васъ какъ мою супругу, а должно чтобъ въ одну минуту перемѣнилъ я мысли, сердце!.... ето для меня не возможно; пускай отецъ мой сколько хочетъ дѣлаетъ представленiй, пускай сколько хочетъ грозитъ: сiе бѣдное сердце всегда пребудетъ то же, я то чувствую! а особливо когда бы я васъ всегда видѣлъ; — надобно тебѣ утѣшиться, любезный Миловзоръ ... — мнѣ утѣшиться! отъ такихъ ударовъ прекращается жизнь! я етого не въ состоянiи вынесть. Какъ! не хотятъ чтобъ вы обо мнѣ и думали, во время какъ бѣдный вашъ Миловзоръ всегда

гда объ васъ будетъ помышлять; отецъ мой, священникъ, самъ король, ежели бы захотѣли перемѣнить мои мысли, не успѣли бы въ томъ. Я увѣренъ что въ вечеру, по утру, въ поляхъ, въ церквѣ, повсюду буду заниматься Сюзеттою. Павлина увидѣла слугу: — Прощай, мой другъ, меня ищутъ: — прощай! какое слово! — да, надобно растаться.... ты всегда будешь мнѣ милъ: Миловзоръ, я пріѣду къ тебѣ.

Дѣвица де Монтикуръ въ самомъ дѣлѣ принуждена была оставить Миловзора, которому успѣла она только пожать руку; отецъ ея и мать шли слѣдомъ за слугою. Молодой человѣкъ погрузился опять въ горчайшія слезы; онъ не могъ ничего произнести кромѣ сихъ словъ: жить безъ Сюзетты, безъ той, съ которою я готовился соединиться на вѣки! однако она мнѣ сказала: ,,ты мнѣ всегда будешь милъ,,, но я не женюсь на ней! другой будетъ ея мужемъ! о Боже! она скоро меня забудетъ!... она пожала мнѣ руку!

Наконецъ господинъ и госпожа де Монтикуръ съ своею дочерью оставляютъ

новую

новую Сюзетту и Филипину; последней назначается пансіонъ, а первую вручаютъ священнику, и обѣщеваютъ пріѣхать къ нимъ въ скоромъ времени. Миловзоръ всходитъ на холмъ, находившейся въ близости отъ деревни и слѣдуетъ глазами за каретою, которая уносила все что онъ любилъ. Когда онъ потерялъ ее изъ виду, то казалось ему будто еще ее видитъ; наконецъ сходитъ, вскричавъ: совершилось! должно отказаться отъ Сюзетты! Нѣтъ болѣе для меня Сюзетты! . . . . такъ, я увѣренъ что она меня забудетъ.

Въ самомъ дѣлѣ дѣвица де Монтикуръ не долго пребывала въ Парижѣ не почувствовавъ того заразительнаго воздуха легкомысленности, которымъ кажется дышатъ тамо; каждой день уносилъ непримѣтно черты вида Миловзорова; истинна ея души, столь мало знаемая въ городахъ начала повреждаться; кокетство умножилось, равно какъ и чрезмѣрное желаніе нравиться. Увлекаемая сими различными вихрями, изгоняющими себя взаимно, Павлина съ трудомъ могла примѣчать скоротечныя впеча-

чатлѣнія, которыя она испытывала; однако были минуты въ кои честный поселянинъ возвращался въ ея мысли. Родители объявляютъ ей, что назначили ей супруга, и что выборъ уже здѣланъ. — Какъ! развѣ не я должна выбирать себѣ мужа? Развѣ не нужно для сочетанія знаться и любиться? Ей отвѣчали, что сей обрядъ неизвѣстный въ большомъ свѣтѣ, былъ оставленъ грубымъ жителямъ полей; что надлежало съ новымъ ея состояніемъ принять благороднѣйшій образъ мыслей, что родственники и договоры дѣлали въ городахъ браки, и что женихъ ея человѣкъ богатый, и знатнаго рода. Присовокупляютъ ей, что дѣло уже здѣлано, и что благородная дѣвица долженствовала для такого обязательства покориться рѣшенію и желанію своей фамиліи. Что ето за любовь, о которой ты намъ говоришь, сказалъ ей отецъ ея? Не ужъ ли ты думаешь, что здѣсь такъ какъ въ вашихъ шалашахъ. Не надобно ли тебѣ Миловзора? Сударыня, пожалуйте пріймите чувствованія приличныя дѣвицѣ де Монтикуръ. Графъ Сентъ-Реми будетъ представленъ тебѣ

послѣ

послѣ обѣда, какъ человѣкъ который въ скорости будетъ твоимъ супругомъ; прійми его со всѣмъ должнымъ ему уваженіемъ; договоръ вашъ готовъ: остается только подписать его и итти къ олтарю: участь твоя теперь есть повиноваться.

Графъ Сентъ-Реми въ тотъ же день видитъ Павлину, радуется съ холодностію ожидающему его щастію, и говоритъ уже голосомъ мужа о домашнихъ разпоряженіяхъ. Ему было отъ тритцати пяти до тритцати шести лѣтъ, имѣлъ величественную осанку, и показывалъ во всѣхъ ухваткахъ видъ благородства, которой изъявлялъ болѣе достоинство, нежели любовь; по чему почтеніе было одно чувствованіе, которое онъ могъ ласкаться внушить; въ прочемъ онъ соединялъ хорошей нравъ и разсудокъ съ тою сухостію души, которую свѣтъ украшаетъ именемъ благоразумія и равенства. Наконецъ возможно было, что его сіятельство заслуживалъ уваженіе, и что знакомцы уважали его; но природа казалось нарочно запретила ему нравиться полу требующему трогательной наружности и живости, или лучше сказатъ

стра-

страсти въ самыхъ маловажныхъ выраженіяхъ. Какое различіе между любовникомъ осмнатцати лѣтъ, коего видъ показывалъ воспаленное сердце, которой хотя простой поселянинъ, однако зналъ тайну нравиться, по тому что любилъ страстно, и что со многою любовію не возможно не быть достойнымъ любви; Миловзоръ старался исполнять все то, чрезъ что могъ получить одно слово, одинъ взглядъ Павлины; все происходящее ему отъ любовницы казалось для него драгоцѣнною милостію; а женщинамъ можетъ быть столько же пріятно внушать благодарность сколько и нѣжность; любочестіе иногда дороже имъ любви, а Графъ Сентъ-реми весьма отдаленъ былъ отъ того, чтобъ ласкать гордость происходящую отъ красоты.

И такъ онъ находится въ объятіяхъ Павлины, не показавъ ни малѣйшаго желанія обладать ею; она замужемъ, но сладости любви неизвѣстны еще ей; Графиня Сентъ-реми ищетъ замѣнить сіе шумными и легкомысленными расточеніями, носящими ложной видъ забавъ; почтенной ея супругъ немучимъ былъ духомъ

 ре-

ревнивости; онъ видитъ спокойнымъ окомъ жену свою кидающуюся въ общества и старающуюся схватить то щастіе, коего она не находила въ своемъ домѣ: Графъ былъ движимъ однимъ потаеннымъ честолюбіемъ, которое показывать весьма онъ остерегался; къ сему предмѣту стремились всѣ его намѣренія; онъ искалъ мѣсто „придворнаго слуги;„ однако надобно отдать справедливость Графинѣ Сентъ-Реми: она весьма бы желала избѣгнуть сравненія; забыть Миловзора и здѣлать любовника изъ своего мужа, закрыть ту пустоту сердца, которую одна любовь въ состояніи наполнить; и ни что не утѣшаетъ молодой женщины въ недостаткѣ сей страсти. Сколько разъ Павлина говорила себѣ тайно: у меня есть чинъ, богатство, дорогія камни, удовольствія игръ, зрѣлищъ, общества, честолюбія, но сіе не замѣняетъ вѣчной нужды, которая пожираетъ меня; все ето не любовь. А когда я была Сюзетта, я вкушала сію любовь; она составляла всѣ мои желанія, и всѣ оныя совершала. Ахъ! Миловзоръ, Миловзоръ, Сюзетта была блаженна! ето

Графиня СентЪ-Реми, которая достойна сожаленія; для чего я стала девицею де МонтикурЪ!

ГрафЪ со всемЪ отнялЪ у нее надежду быть отЪ него любимою: — я приметилЪ сударыня, что вы сЪ лишкомЪ любите общества; я очень радуюсь, что вы находите вЪ нихЪ удовольствія, отЪ которыхЪ образЪ мыслей моихЪ удаляетЪ меня. Я не скрою отЪ васЪ; для меня не будетЪ огорчительно, ежели вы пожертвуете некоторымЪ склонностямЪ, кои не оскорбляютЪ обыкновеній; я всегда презиралЪ чувствованіе ревности; оно мало и смешно, и мучитЪ того только, кто имЪ зараженЪ. Я советую вамЪ, и ласкаюсь, что вы меня послушаете, остерагаться чтобЪ замета и соблазнЪ не означали вашихЪ прихотей; я веруя чести, принужденЪ тогда буду ввести васЪ вЪ хлопоты; и такЪ не станемЪ себя безпокоить; будемЪ жить какЪ два добрые друга; у васЪ есть своя половина покоевЪ, а у меня своя. Небо даровало намЪ сына, которой поддержитЪ нашЪ домЪ; вы не будете объяснять мне моихЪ поступокЪ, а я не буду примечать

вашихъ; вотъ мое исповѣданіе вѣры, здѣланное единожды на всегда.... Жена его хочетъ прервать у него рѣчь; и даже испускаетъ нѣсколько слезъ. — Слезы! басни! охъ! я не люблю трагедій; я довольно васъ почиталъ, чтобъ открыть вамъ мою душу. Между людьми нашего состоянія все сіе имѣетъ силу договора. Повѣрьте мнѣ; пріймите свои мѣры съ такою же осторожностію съ какою принимаю я; а паче всего чтобъ не было сихъ сумозбродныхъ восклицаній, которыя учиняются источникомъ брюзгливости и раздоровъ. Забавляйтесь какъ хотите, но только съ скромностію; а меня занимаетъ планъ, которой долженъ привести васъ ко двору. Табуретъ, сударыня, табуретъ; вотъ предмѣтъ которой долженъ быть всегда предъ вашими глазами; какое кто ни имѣетъ состояніе, какъ кто ни богатъ и ни знатенъ, а когда не значитъ ничего у короля, тотъ не живетъ, а влечетъ бѣдственную жизнь.

Госпожа Сентъ-Реми, не взирая на сей новый для ушей ея разговоръ, не помышляла пользоваться утѣшеніями, которыя мужъ ея позволялъ употреблять: она

она имѣла сердце чувствительное, и добродѣтель всегда бываетъ согласна съ истинною любовїю; отъ ложной произходитъ большая часть пороковъ. Душа способная любить съ трудностїю покаряется внушенїямъ развратнаго свѣта; потребно много времени, чтобъ онъ поработилъ насъ, и увлекъ за собою. Павлина не потеряла еще изъ виду той невинности, которая составляла ея щастїе въ деревнѣ: но, мы сказали, что изображенїе онаго изчезло, и она повергалась безразсудно въ безпрестанныя глупости, которыя прельщенїе имѣло искуство отъ нея скрывать. Сонъ, которой наибольшее здѣлалъ надъ нами впечатлѣнїе въ скорости затмѣвается, а деревенское сновидѣнїе Павлины, давно уже разсѣялось. Другїя забавы не столько милыя и не столь прїятныя, какъ первыя, казалось нападали и заражали ее со всѣхъ сторонъ. Какъ ей возможно защищаться? Постоянство, цѣломудрїе и добродѣтель не въ городахъ основали главное свое жилище.

Миловзоръ соединялъ ихъ нѣкоторымъ образомъ всѣ въ своемъ сердцѣ, и

они то составляли его нещастіе. Тщетно отецъ его обременялъ его доводами, и повторялъ, что должно неотмѣнно забыть дѣвицу де Монтикуръ, и что безумно было думать еще объ ней; наконецъ увѣдомляетъ его, что она замужемъ: замужемъ! вскричалъ Миловзоръ! такъ, замужемъ, предпріялъ старикъ; одинъ изъ друзей моихъ пріѣхавшій изъ Парижа, теперь мнѣ о томъ сказывалъ. Замужемъ! подхватилъ молодой поселянинъ! ахъ! она мнѣ пожала руку! она мнѣ сказала: Миловзоръ, ты всегда мнѣ будешь милъ. Развѣ можно такъ обманывать людей, послѣ толикихъ обѣщаній. Я не удивляюсь, что она не здерживаетъ своего слова и не пріѣзжаетъ къ намъ: и такъ я ее болѣе не увижу! и другой ея мужемъ!

Рыданіе прерываетъ голосъ молодаго человѣка; онъ клялся своему отцу и самому себѣ забыть ее, а искалъ всего что могло напоминать ему о Сюзеттѣ; онъ садился подъ тѣнію того дерева, которое она предъ прочими отмѣнно любила; пѣлъ безпрестанно тѣ пѣсни, которымъ она его научила; безпрестанно онъ говорилъ

рилЪ самЪ себѣ: здѣсь Сюзетта связывала со мною пучекЪ цвѣтовЪ на канунѣ праздника вЪ нашемЪ приходѣ; тамЪ она ставила сѣти для птицЪ; далѣе она возвращала имЪ вольность, говоря мнѣ сЪ прелестною улыбкою: любезной МиловзорЪ, на что намЪ дѣлать нещастныхЪ? Я хотѣлЪ удержать ихЪ, но она смѣясь моему неискуству, выпускала ихЪ. АхЪ! возможно ли мнѣ было сопротивляться Сюзеттѣ? Ея желанія, ея мысли, ея душа была моя . . . . и она замужемЪ! какЪ! должно отЪ нее отказаться? КЪ чему вздумала ета старая Филипина открыть тайну? Дѣвица де МонтикурЪ была бы всегда Сюзетта, и теперь была бы моею женою, мы любили бы столько другЪ друга! . . Но что ты говоришь, МиловзорЪ? Филипина хорошо здѣлала, сказавЪ истинну; небо не терпитЪ лжи . . . . АхЪ! Сюзетта, Сюзетта, ты безпрестанно пребываешь вЪ моей головѣ, вЪ моемЪ сердцѣ; ты разстроила всѣ мои мысли, я не знаю; что дѣлаю, я хожу вЪ виноградЪ, когда должно итти на нивы; вотЪ какова любовь! не ужЪ ли теряется отЪ нее разумЪ? Не лучше ли

 уме-

умереть, нежели вести таковую жизнь? да и за что мнѣ любить неблагодарную? .... Но какъ я на нее ни досадую, какъ ни думаю ее ненавидѣть .... Сюзетта мнѣ милѣе еще прежняго.

Дочь Филипины можетъ быть была еще достойнѣе сожалѣнія, нежели Миловзоръ; священникъ не покидалъ ее; увѣщанія сего почтеннаго мужа, нещастіе, сей убѣдительный учитель, время самое сильное лѣкарство для исцѣленія души, всѣ сіи причины соединившись подѣйствовали съ успѣхомъ надъ нещастною Сюзеттою; она внимаетъ голосъ вѣры; самой разсудокъ началъ воспріймать свою силу; она выходитъ изъ своего уничтоженія; отвергаетъ ужасное намѣреніе лишить себя жизни; первый выходъ ея былъ къ матери; она изливаетъ въ ея нѣдра слезы раскаянія и любви, покаряется своему состоянію и небесамъ, отъ которыхъ единственно зависитъ нашъ жребій; она ежедневно получала новыя силы для отраженія воспоминанія, которое она вознамѣрилась преодолѣть. Сюзетта примѣчаетъ, подобно пораженному незапнымъ лучемъ свѣта, что не

сердце

сердце привязывало ея къ Блинзею, но единое тщеславіе произвело въ ней сіе обманчивое чувствованіе; всѣ предупрежденія составляющія то, что называютъ свѣтомъ и его прелестями, изчезало предъ ея глазами какъ утренніе пары, которыя поднимаются, згущаются и пропадаютъ. Крестьянка забывши дворянку, получила душу крѣпчайшую, просвѣщеннѣйшую, и которая ежели можно сказать, больше ей принадлежала: она стыдилась смѣшной своей гордости, мнимой величественности, толико оскорбительной, особливо сельскимъ людямъ, которыхъ она узнавала благоразуміе, разсудокъ и основательныя свойства; она испытывала, вопрошая себя съ разсмотрѣніемъ, что прямое величество состоитъ въ томъ, чтобъ быть добродѣтельнѣе прочихъ, уменшать свои нужды и обходиться сколько возможно безъ постороннихъ вспоможеній; нещастіе и недостатокъ, можетъ быть есть прямой источникъ дѣятельной философіи; и человѣкъ подвергнувшійся симъ двумъ опытамъ необходимо бываетъ ближе къ природѣ и болѣе научается своимъ должностямъ и обязанностямъ.

Сюзетта просила безпрестанно прощенія у своей матери въ оскорбленіяхъ дѣвицы де Монтикуръ. Любезная дочь, говорила ей Филипина, я тебѣ доказала, сколько я тебя любила; я поступила противъ Бога, противъ чести, противъ истинны; что я говорю? Я здѣлала себѣ насиліе, чтобъ ни чемъ незаниматься кромѣ твоего благополучія; я дала тебѣ другую мать: безъ вѣры, не взирая на мою нѣжность, не взирая на твои грубости, ты была бы и теперь еще Павлина. Но Сюзетта, я зрѣла себя при смерти, а въ сію минуту мы чувствуемъ всю тягость нашихъ преступленій Я не могла сопротивляться священнику, или лучше творцу, которой говорилъ его устами, и открывалъ мнѣ глаза въ моемъ беззаконномъ дѣлѣ; надлежало лишить тебя всего добра, которое я тебѣ доставила; ты моя дочь, бѣдная поселянка, для чего же ты отвергнула благодѣянія честнаго господина де Монтикуръ? Онъ столько тебя любилъ! развѣ ты не знаешь удовольствія быть благодарною? Что касается до меня, то я буду признательна во всю мою жизнь за пан-

пансіонъ, которой сей достойной господинъ мнѣ пожаловалъ. Сей небольшой доходъ поможетъ мнѣ, дочь моя, учинить для тебя состояніе наше сноснѣйшимъ. Я терзаюсь каждой разъ, когда ты хочешь работать, такъ какъ я: у тебя руки столь нѣжны! — Матушка, теперь я радуюсь, что обязана вамъ рожденіемъ, и поставлена на мѣстѣ, которое мнѣ принадлежало; гордость моя была слѣпая и отвратительная: но она перемѣнила предмѣтъ свой, и содѣлолась для сердца моего побужденіемъ къ утѣшенію и къ добродѣтели; сія то гордость, которую мнѣ пріятно питать, заставила меня отвергнуть предлагаемое господиномъ де Монтикуръ. Сей пансіонъ предоставленъ собственно для вашихъ нуждъ, вы не можете вообразить, какое испытываю я удовольствіе, когда говорю себѣ, подвергая себя самымъ грубымъ работамъ: не отъ сожалѣнія другихъ, ни отъ холоднаго и оскорбительнаго состраданія, буду я поддерживать свою жизнь, но отъ плода трудовъ и пота моего; я буду собирать должную мнѣ плату; правда я могла бы избѣгнуть сихъ чрезмѣрныхъ

ра-

работѣ, но за какую цѣну! нѣтъ матушка! вы не понимаете какое уничиженіе производитъ все что подходитъ на милостыню; мало находится благодѣяній, которыя бы не должны были носить сего имени. Я была бы еще нещастливѣе, ежели бы не поддерживало меня мое мужество; подлинное злополучіе то, которое влечетъ за собою посрамленіе, а нашимъ состояніемъ не можно стыдиться; я буду имъ славиться. Павлина повидимому была бы предана всѣмъ погрѣшностямъ соединеннымъ съ степенью, которую она занимала. Рано или поздо, я увидѣла бы мои заблужденія; сіе медлительное узнаніе было бы мнѣ казнію, а Сюзетта, матушка, вкушаетъ въ объятіяхъ вашихъ, цѣну истинны и природы; сердце мое не только не испортится, но очистится; можетъ быть я буду любить и буду любима. Увы! я была обманута: безсовѣстной Блинзей не любилъ меня; онъ произвелъ во мнѣ одно впечатлѣніе, котораго я узнала слабость и тщету! правда; въ Парижѣ не любятъ, вы видите етому доказательство. Самъ господинъ де Монтикуръ благодѣтель вашъ,

слѣд-

слѣдственно и мой, забылъ насъ, и Павлина, Павлина, которой вы были столь любезны, которая предъявляла душу толико чувствительную, толико честную, не подаетъ намъ ни малѣйшаго о себѣ извѣстія! не ужъ ли сей городъ пагубенъ для всѣхъ, кто въ немъ живетъ! Павлина приняла всѣ мои недостатки, а я съ ревностію буду снискивать добродѣтели, которыя она здѣсь имѣла. Успокойтесь матушка, я можетъ быть менше достойна сожалѣнія, нежели дѣвица де Монтикуръ; говорятъ, что она замужемъ, а ежели она любила Миловзора, какъ по всему было видно, то не помрачаетъ ли сіе воспоминаніе мнимаго ея благополучія? Миловзоръ заслуживалъ быть любимымъ; онъ не Маркизъ Блинзей.

Въ одинъ день Сюзетта будучи занята на полѣ сельскими работами, примѣчаетъ вдали человѣка, которой шелъ къ ней скоропостижно. Желая удовольствовать любопытство, которое возрастало по мѣрѣ, какъ незнакомой приближался, она узнала наконецъ Маркизова скорохода: — ай! ето вы, сударыня! въ какомъ платьѣ, голубушка! съ сохою въ

рукахъ, вы! . . . . ета записочка отъ моего господина, здѣлаетъ вамъ нѣкоторое удовольствіе; по тому что я его наперстникъ, и мнѣ извѣстно сколько онъ вамъ доброжелателенъ; онъ право не промахъ: . . . она теперь еще пригожѣе; прекрасная крестьянка! она ни мало не потеряла своихъ прелестей! Сюзетта бросаетъ взоры на письмо и читаетъ.

„Знаешь ли красавица, что я при-
„вязанъ къ тебѣ больше нежели думалъ;
„право ты мнѣ вскружила голову, и по-
„чтовая моя коляска не спасла меня отъ
„предмѣта, которой бы надлежало за-
„быть для моего покоя. Ежели я теперь
„прихожу не къ дѣвицѣ де Монтикуръ,
„то къ всегдашнему божеству моего
„сердца. Къ той молодой красоткѣ, ко-
„торая хотя простая крестьянка, од-
„нако прелестями своими превосходитъ
„всякую дворянку: такъ прелестная Сю-
„зетта, ты можешь утѣшиться въ не-
„справедливости рока: я намѣренъ здѣ-
„лать тебѣ предложеніе. О! я знаю, что
„оно тебѣ будетъ прилично! надобно
„имѣть философію голубушка! что у
„тебя отняло случившееся съ тобою
„при-

,,приключеніе? Имя, богатство, родъ, не ,,ето истинныя сокровища природы; ру- ,,мяныя и привлекательныя уста; два ,,прелестныхъ глаза, тѣло подобно ли- ,,леямъ, осанка нимфы; вотъ подлинныя ,,благодѣянія, которыя ты получила отъ ,,сей доброй природы, вотъ что заслужи- ,,ваетъ самое прилѣжное вниманіе при- ,,дворнаго человѣка. Ты со всѣмъ преле- ,,стна, и я люблю тебя до дурачества. ,,Положивши сіе, я выдумалъ средство, ,,удивительное, единственное! оно пре- ,,одолѣетъ всѣ препятствія, оно от- ,,мститъ за любезную мою Сюзетту въ ,,таковой измѣнѣ рока, и возвратитъ ее ,,въ Парижъ, въ свѣтъ коего она будетъ ,,украшеніе. Что такое бракъ? Произ- ,,вольное узаконеніе, которому подвер- ,,гаетъ насъ обычай; да правду сказать, ,,всякъ внутри оному смѣется; имя жены ,,пугаетъ любовь, которая любитъ про- ,,износить имя любовницы; ты пони- ,,маешь меня милое твореніе? Пріятнѣй- ,,шія покои ожидаютъ тебя; ты будешь ,,имѣть диванъ самаго послѣдняго вкуса. ,,Брось поскорѣе гнусное состояніе кресть- ,,янки; оставь старую свою мать бредить

„съ препочтеннымъ и прескучнымъ па-„сторомъ, и поспѣшай къ любовнику....„Ты узнаешь утѣхи, а ето стоитъ бо-„гатства, знатности и чиновъ.„

Дочь Филипины не можетъ болѣе читать: объятая благороднымъ негодованіемъ, она раздираетъ письмо въ мѣлкія куски, и оборотясь къ скороходу. — Извергъ, достойный твоего господина; скажи ему, какъ пріемлются гнусныя его письма: присовокупить верхъ посрамленія къ варварству, къ обману! развѣ я заслужила такое воспоминаніе? (Слуга хочетъ говорить) Скажи ему, что онъ человѣкъ самой презрительной предъ моими глазами, и что я поручаю небу покровителю честности, отмстить ему за таковое поруганіе. — Право сударыня вы дѣло говорите; Маркизъ, между нами сказать, превеликій повѣса; онъ васъ обманитъ, а... я, я вамъ здержу слово; пріѣзжайте въ Парижъ; я буду постояннѣе моего барина; мы можемъ... мы можемъ обвѣнчаться; въ прочемъ лучше быть моею любовницею, нежели бѣдною крестьянкою. При семъ предложеніи, отчаяніе Сюзетты усугубилось; обильность

слезъ

слезъ лишала ее языка: она оставляетъ скоропостижно сего безстыднаго слугу, поспѣшаетъ въ свое жилище и разсказываетъ въ слезахъ матери свое приключенiе. Когда Сюзетта была одна, то какимъ размышленiямъ предался ея разумъ! Вотъ что такое имѣть видъ нещастiя! какъ презираютъ нещастныхъ сельскихъ жителей! ахъ я, я сама имѣла сiю несправедливость, и сiю грубость; небо наказываетъ меня: однако единъ Богъ и добродѣтель могли меня поддержать послѣ таковаго удару! предадимъ на волю его мщенiе за приключенный мнѣ теперь стыдъ. Сей злодѣй, который представлялъ себя прежде супругомъ, не устыдился предложить мнѣ моего безчестiя.

Сей случай довершилъ открыть Сюзеттѣ глаза до какой степени общество развращенно; она отдаляла отъ себя воспоминанiе о Парижѣ, подобно отвращающему взоры отъ непрiятнаго изображенiя; почтенный же священникъ продолжалъ укрѣплять сiи впечатлѣнiя, толико полезныя и толико утѣшительныя.

Опытъ подтверждалъ предчувствованія Сюзетты въ разсужденіи госпожи Сентъ-реми. Сія послѣдняя весьма отдалена была отъ наслажденія истиннымъ благополучіемъ. Будучи счастлива въ наружности, она носила изъ общества въ другое оное непреодолимое отвращеніе, которое называютъ смертію души, и которое произходитъ отъ ложныхъ утѣхъ, коими насъ свѣтъ обременяетъ; она начала заражаться всѣми заблужденіями, и всѣми погрѣшностями; разумъ ея, равно какъ и добродѣтель ослабѣвали, деревня съ простотою и Миловзоръ не представлялись уже ея глазамъ; тщеславіе и кокетство истребили въ ней счастливое дѣло природы. Обманъ долженствовалъ замѣнять у нее истинну; ей показалось, что склонность влекла ее къ кавалеру Миневилю; она противиться долгое время; наконецъ уступаетъ сей воображительной склонности; и кавалеръ учиняется явнымъ ей любовникомъ. Оба они обманывались безъ сомнѣнія, воображая, что симпатія привлекла ихъ другъ къ другу: они клялись взаимно любиться вѣчно, нокогда вопрошали себя чистосердечно,

чно, то съ удивленіемъ примѣчали, что сія мнимая наклонность не была въ ихъ сердцахъ, и что холодное равнодушіе спѣшило за безразсуднымъ заблужденіемъ головы. Госпожа Сентъ-Реми принимаетъ въ одинъ день трудъ разсмотрѣть съ нѣкоторымъ вниманіемъ, то что она чувствовала: и увѣрясь по прилѣжномъ разсужденіи, что не любила Миневиля, имѣла отважность признаться ему въ ономъ. Кавалеръ отвѣчалъ ей спокойно: право, сударыня, я хотѣлъ васъ предъупредить; я очень радъ что вы сперва начали; останемся тамъ гдѣ мы остановились, и будемъ подстерегать въ етомъ другихъ; мы много увидимъ подобныхъ намъ; будемъ обходиться съ сего времяни какъ два добрыя пріятеля; вы будете открывать мнѣ свои глупости, а я вамъ свои; и станемъ забавляться взаимно нащетъ сего бѣднаго рода человѣческаго. Павлина была раздражена симъ дерзкимъ чистосердечіемъ: гордость женщинъ всегда терпитъ отъ таковыхъ признаній; она проливеатъ слезы, которыя вскорѣ осушаются, и не можемъ воздержаться чтобъ не сказать во глубинѣ сердца: ахъ!

 Мило-

Миловзоръ! сколько я имѣю причины сожалѣть о тебѣ.

Чемъ болѣе госпожа Сентъ-Реми забывала свои должности, тѣмъ болѣе снѣдаема была скрытно скукою; родъ ржавчины прилипающей къ душѣ тѣхъ, кои показываютъ веселой видъ. Сюзетта представляла со всѣмъ противное зрѣлище; время умножило добродѣтели, утѣхи и щастїе ея. Когда съ заступомъ въ рукахъ раздирала она нѣдра земныя, тогда радовалась что отправляла трудъ, къ коему можетъ быть всѣ мы были призваны. По мѣрѣ какъ она прїобыкла къ полевымъ работамъ, тѣло и душа ея укрѣпилась; она вкушала сладостное утѣшенїе разсматривая свои чувствованїя; трезвая въ своихъ желанїяхъ, она ни одного не имѣла, которое бы совѣсть ея могла опорочить; она принимала крайнее попеченїе о своей матери, избавляла ее отъ самыхъ малѣйшихъ трудовъ, и старалась безпрестанно загладить усердїемъ своимъ проступки, которыя Филипина давно уже забыла. Однако были минуты, въ которыя Сюзетта ощущала что имѣла сердце, коего чувствительность могла удо-

удовольствовать одна любовь: удивительная наклонность природы желающей, чтобЪ для достиженія кЪ совершенству ея, щастіе было раздѣляемо, чтобЪ душа искала другой души побуждаемая сообщить пріятныя свои чувствія и даже страданія свои! и такЪ честная наша поселянка желала покорить достойное ея сердце, и здѣлать союзЪ посвященный чесностію и закономЪ. Она узнала недавно одного откупщика пашенЪ по имени Генриха; сей почтенный человѣкЪ былЪ вЪ силѣ своихЪ лѣтЪ; привлекательной видЪ его возвѣщалЪ откровенность и благородство, то благородство, которое показываетЪ достоинство души, и которое безЪ противорѣчія предпочтительнѣе установленному политическими договорами. ОнЪ жилЪ немного времени сЪ супругою, сЪ которою онЪ соединился по единому произволенію своего семейства; отЪ сего брака остался у него одинЪ младенецЪ, котораго онЪ воспитывалЪ сЪ раченіемЪ. Но отеческая любовь не препятствовала Генриху помышлять о новомЪ союзѣ. Сердце его со всѣмЪ еще новое, требовало предмѣта, которой бы могЪ возбу-

дить его нѣжность и заслужить оную; откупщикЪ обратилЪ взоры на дочь Филипины; она соединяла пріятности и свойства, которыхЪ онЪ желалЪ найти вЪ женѣ; по чему онЪ и не колебался открыть себя. Сюзетта сЪ нѣкотораго времени была увлекаема кЪ Генриху равномѣрною прелестію: двое любовниковЪ не страшились открыть свои души другЪ другу; истинная любовь воспламеняла ихЪ; имЪ не можно было стыдиться своихЪ восторговЪ; самая чистѣйшая невинность питала ихЪ жарЪ. Они соединились союзомЪ, которой небо благословило; и послѣ ихЪ брака любовь ихЪ еще болѣе возрасла; Филипина перешла жить кЪ своему зятю, и два супруга составили сЪ сею доброю старухою и ГенриховымЪ сыномЪ семейство, которое всевышній творецЪ осыпалЪ своими благодѣяніями. Все имЪ успѣвало; жатвы ихЪ умножались сЪ благоденствіемЪ: они могли бы возбудить зависть и самыхЪ богачей, естьли бы сіи имѣли понятіе о истинномЪ щастіи:

МиловзорЪ не раздѣлялЪ пріятностей состоянія ихЪ; онЪ не могЪ забыть госпожу СентЪ-Реми; многія выгодныя пред-

представлялись партіи, но молодой человекъ всѣмъ отказывалъ, не смотря на убѣжденіе своего отца, которой безполезно старался излѣчить его отъ сей страсти? — Чего ты надѣешься, мой другъ? Любовница твоя замужемъ, и конечно не думаетъ о тебѣ; ты ето видишь; мы не получали отъ нее ни малѣйшаго извѣстія? — Я чувствую, батюшка, что вы правду говорите, но я вамъ уже сказалъ: что я ни дѣлаю, сердце мое не хочетъ меня слушать; когда я намѣреваюсь повиноваться вамъ, когда иду увѣрить васъ, что покорюсь вашей волѣ, истреблю съ лишкомъ драгое воспоминаніе, и что я женюсь; не знаю, что меня вдругъ остановляетъ; я учиняюсь неподвижнымъ, и скрытный гласъ обвиняетъ меня, мнѣ мнится слышать: ты хочешь забыть свою Сюзетту! . . . Ахъ! можно ли мнѣ любить другую? Нѣтъ батюшка, безполезно обманывать васъ; сердце сильнѣе меня. Воспоминаніе о Сюзеттѣ льститъ мнѣ болѣе самаго выгоднѣйшаго брака; я буду работать всѣми силами, и буду по крайней мѣрѣ имѣть утѣшеніе всегда объ ней думать; не удоволь-

волшествіе ли ето? Ето одно позволено мнѣ теперь вкушать.

Госпожа Сентъ-Реми часъ отъ часу учинялась недостойнѣе такой постоянной и такъ худо награжденной любви; увлекаемая отъ любовника къ любовнику, она бѣгала за привидѣніемъ, котораго она никогда не настигла: утѣхи казалось старались отъ ее убѣгать; съ лишкомъ пустыя сожалѣнія извлекались изъ нее въ пользу перваго ея любовника, и она всегда была больше виновна и больше наказана: испытываемыя ею уничиженія, не возбуждали ее отъ сего беззаконнаго усыпленія. Забавы общества перераждаются въ нѣкоторой родъ безчувственности; люди доходятъ до того, что неощущаютъ ни утѣхъ, ни угрызеній; и ето родъ мщенія, которымъ кажется наказываютъ разсудокъ и добродѣтель, когда престаютъ ихъ слушать и оставляютъ ихъ безвозвратно.

Генрихова жена видѣла иногда у себя Миловзора, которой приходилъ къ ней жаловаться въ нещастной и безполезной своей страсти. Она старалась привести его къ должности. Отецъ его непремѣнно хо-

хотѣлъ его женить. Любезный мой Миловзоръ, говорила она ему, примѣръ мой долженъ открыть тебѣ глаза; я воображала что любила, но въ самомъ дѣлѣ находилась въ непростительномъ ослѣпленіи. Другъ мой! нѣтъ любви, съ которою бы не была соединена надежда; но чего ты ожидаешь отъ сего глупаго пламени? Послушай своего отца; избери пристойную себѣ супругу, ты содѣлаешь его утѣшеніе, ты будешь имѣть подругу равнаго съ тобою состоянія; ты исполнишь свои должности, и узнаешь наконецъ, что сладости почтеннаго союза доставляютъ единое удовольствіе, какое можетъ вкушать добродѣтельное сердце. Не видишь ли ты, что госпожа Сентъ-Реми совсѣмъ насъ забыла, и что безразсудно заниматься предмѣтомъ, которой не можетъ намъ никогда принадлежать.

Сіи толико благоразумныя увѣщанія не производили ни малаго дѣйствія надъ молодымъ поселяниномъ. Отецъ его незапною смертію оставилъ его господиномъ своей судьбины. Миловзоръ продаетъ тотчасъ имѣніе свое, оставляетъ деревню, и говоритъ отправляясь, что

онъ

онъ ѣхалъ испытать, бѣгая по свѣту, не избавится ли отъ страсти, которая всегда его преслѣдовала.

Время утверждало блаженство Генриховой супруги: она собирала плоды благоразумныхъ своихъ поступокъ; любимая своимъ мужемъ, она видѣла себя возраждаемую во многихъ дѣтяхъ, кои раздѣляли равно ея попеченія и нѣжность; она признавалась, что естли щастіе существовало на землѣ, то оно обитало въ смиренномъ ихъ жилищѣ. — Любезной супругъ! сколько я должна благодарить небо за перемѣну моего состоянія! разумъ мой кажется болѣе просвѣтился, душа моя стала мужественнѣе и чувствительнѣе! ты внушилъ въ меня чистую любовь, почтеніе къ себѣ самой и то внутреннее удовольствіе, которое не зависитъ отъ приключеній; каждой день я довольнѣе собою; сердце мое ни мало меня не упрекаетъ, я люблю тебя безпрестанно болѣе, равно какъ и дѣтей нашихъ, кои обязаны намъ будутъ постояннымъ щастіемъ, научатся отъ насъ быть честными земледѣльцами, послѣдуютъ нашему примѣру, и сохранятъ съ

удо-

удовольствіемъ память нашу. Ахъ! любезный Генрихъ, спокойствія души есть прямая утѣха: она сопряжена съ добродѣтелію, а добродѣтель обитаетъ въ сихъ только мѣстахъ; я ето испытываю: дѣвица де Монтикуръ никогда не была столько щастлива.

Сюзетта, говоря сіи слова, испускала сладостныя слезы, происходящія отъ сердца, наполненнаго наиприятнѣйшимъ ощущеніемъ.

Она держала одного изъ своихъ дѣтей на рукахъ, а двое играли около ея: вдругъ останавливается у воротъ ея карета, выходитъ изъ оной покрытая длиннымъ покрываломъ женщина, и бросается въ объятія Сюзетты, вскричавъ, и такъ я опять тебя вижу! простишь ли мнѣ виновное мое забвеніе? Дочь Филипины не могла отгадать кто ей говорилъ; она разсматриваетъ пріѣзжую и испустивъ крикъ, вскричала: — ето вы!..... Сударыня, дѣвица де Монтикуръ! и не ожидая отвѣта ея, принимаетъ узелъ, которой отдаетъ ей кучеръ, и спрашиваетъ потомъ у госпожи Сентъ-реми, гдѣ ея служители? Слуги мои предпринимаетъ

сія

сія съ плачемъ? у меня ихъ нѣтъ! я потеряла все имѣніе, я лишилась всего на свѣтѣ, и желала бы лишиться жизни! я пріѣхала открыть тебѣ какъ единому сердцу, которое можетъ быть удостоитъ принять участіе въ моихъ напастяхъ; они чрезмѣрны. Генрихова жена чувствуетъ тогда всю цѣну, всю пріятность сожалѣнія; она вводитъ скоропостижно въ свой домъ госпожу Сентъ-Реми, представляетъ ее своему мужу, осыпаетъ ее ласками и знаками дружбы, приказываетъ изготовить ей обѣдъ, бѣжитъ сама готовить оной и старается сколько можно лучше принять дочь господина де Монтикуръ, которая узнаетъ, что кормилицы ея не было уже на свѣтѣ. Она умерла, говоритъ Павлина! какъ завиденъ ея жребій! такъ, любезная Сюзетта, конечно я васъ огорчила, я поступила противу всего не стараясь продолжать знакомства, единаго, которое теперь для меня лестно; но я полагаюсь на вашу дружбу, на ваше человѣколюбіе, и надѣюсь, что нещастное мое состояніе исходатайствуетъ мнѣ прощеніе. — Вы въ нещастіи! . . . Ахъ! тѣмъ вы будете мнѣ лю-

любезнѣе; вѣрьте, что мы все здѣлаемъ для разогнанія, или по крайней мѣрѣ для услажденія вашихъ горестей: — Конечно вы мнѣ поможете; довольно что я тебя вижу, что я могу говорить съ первымъ моимъ другомъ, дабы чувствовать облегченіе отъ болѣзненнаго бремени, которое меня удручаетъ. . . . . Ахъ! Миловзоръ, Миловзоръ! . . . . что съ нимъ здѣлалось? щасливѣе ли онъ меня?

Сюзетта расказываетъ госпожѣ Сентъ-Реми все, что терпѣлъ молодой поселянинъ съ часа ихъ разлуки, перенесенныя имъ убѣжденія отъ его отца, непоколебимое намѣреніе не жениться; наконецъ отъѣздъ его, какъ скоро онъ здѣлался свободенъ, чтобъ побѣдить, присовокупила Сюзетта, любовь, которой повидимому никогда онъ не преодолѣетъ.

Дѣвица де Монтикуръ прерывала каждое слово сего разговора безчисленными восклицаніями; напослѣдокъ повторяла: нещастная! нещастная! заслуживала ли ты толикую любовь? Теперь должна и я, единый мой другъ, описать тебѣ состояніе, до котораго я доведена! Миловзоръ съ лишкомъ отмщенъ! Она про-

проливаетъ нѣсколько слезъ и предпринимаетъ. Естли положенїе мое могло произвесть въ тебѣ зависть, то ты была въ заблужденїи, изъ котораго я тебя скоро выведу.

Повѣствованїе мое начнется съ пагубной для меня епохи, когда дочь Филипины здѣлалась вдругъ дочерью господина де Монтикуръ. Я предалась тотчасъ обманамъ, коими я была ослѣплена; они совсѣмъ перемѣнили мой характеръ; нѣкоторой родъ очарованїя похитилъ меня у себя самой, и увлекъ въ свѣтъ, гдѣ я воображала, увы! обрѣсти щастїе; Филипина, Сюзетта и самой Миловзоръ, все удалилось и уничтожилось предъ моими глазами; я вышла на новую дорогу; она представлялась мнѣ усѣянною всѣми прїятностями; я бросилась туда съ ненасытнымъ желанїемъ предать себя мечтамъ, коими я была окружена. Не медлили дать мнѣ мужа, котораго я желала любить, и коего равнодушїе оставило мнѣ способность только почитать его. Душа моя имѣла нужду въ рѣшительной страсти. Я мнила всегда настигнуть ея предмѣтъ; я преходила изъ заблужденїй

въ

въ заблужденіе, изъ проступковъ въ проступковъ, и никогда не могла найти сердца, которое бы уподоблялось Миловзорову, которое бы имѣло его честность, нѣжность и непоколебимое во всѣхъ случаяхъ постоянство; я была вѣтрена, слаба, беззаконна, и не вкушала удовольствія; ето наказаніе опредѣленное всѣмъ, кто удаляется отъ добродѣтели; скука пожирала меня посредѣ самихъ пиршествъ; сердце мое пылало тайнымъ желаніемъ, котораго не возможно мнѣ было удовольствовать; въ нѣдрахъ любви, я испытала, что пріятности ея были мнѣ запрещены. Изъ сего множества скоротечныхъ заблужденій и ложныхъ забавъ, осталось мнѣ единое отвращеніе и изображеніе моихъ погрѣшностей; я взирала на сіе изображеніе съ великимъ принужденіемъ. Такое то мое состояніе; смерть похитила у меня родителей и мужа; сынъ мой послѣдовалъ за ними во гробъ. Я не буду говорить тебѣ о потерѣ моего богатства, слѣдствіи многихъ тяжебъ и различныхъ переворотовъ, которыхъ я была жертвою: ето самый малѣйшіи ударъ щастія; положеніе мое под-

ходитъ къ нищетѣ; однако я имѣю еще чѣмъ провести малое время, которое осталось мнѣ жить. Любезная Сюзетта, я не много разнствую имѣнїемъ отъ дочери Филипины; но у меня нѣтъ ея добродѣтелей, ея невинности, спокойствїя ея души; ты видишь глаза мои наполненныя слезами. Какъ скоро я узрѣла себя въ злополучїи, Парижъ открылся моимъ взорамъ: общества оставили меня печальному и тщетному раскаянїю; увеличили мои проступки, описали ихъ всею гнусностїю беззаконїи; я оставила сей ненавистный городъ, въ твердомъ намѣренїи никогда въ оной не возвращаться, и поѣхала заключиться въ уединенїе. Но увы! я не могла такъ скрыться отъ самой себя; я была жесточайшая моя непрїятельница; и тамъ я думала усладить мои горести, пришедъ испустить духъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ первыя дни жизни моей были толико чисты, и гдѣ я чувствовала прелесть добродѣтельной любви. Ето не для того, чтобъ я намѣрена была казаться Миловзору; я его съ лишкомъ огорчила! я просила бы тебя не сказывать ни кому о моемъ прїѣздѣ

въ

въ сіи мѣста; его здѣсь нѣтъ, и кажется я должна сему радоваться; по крайней мѣрѣ позволено мнѣ будетъ говорить о томъ съ тобою; я увижу жилище, въ которомъ онъ обиталъ, я увижу тѣ щастливыя поля, свидѣтели первыхъ моихъ удовольствій, первыхъ моихъ клятвъ, и моей невинности! О благодѣтельной другъ, ты мнѣ закроешь глаза. Ежели Миловзоръ возвратится когда нибудь, скажи ему что небо отмстило за него, что я была виновнѣйшая . . . нещастнѣйшая изъ женщинъ! что образъ его никогда не выходилъ изъ моего сердца.

Павлина и Сюзетта, во время сего разговора проливали слезы. Сюзетта обнимаетъ съ восторгомъ госпожу Сентъ-Реми: — ваша участь будетъ моею; вы видите сколько я тронута вашимъ состояніемъ; я буду стараться сколько возможно облегчить оное: такъ, вы будете жить съ нами; вы мнѣ позволите называть васъ сестрицею, и дружба, ежели возможно наградитъ ваши нещастія . . . надобно думать, что Миловзора нѣтъ на свѣтѣ. — Онъ умеръ! — мы не получали ни малѣйшаго отъ него извѣстія. И такъ

его не стало, вскричала госпожа Сентъ-Реми: и я причиною его смерти! Сего только недоставало мнѣ, чтобъ быть чудовищемъ предъ собственными моими глазами! Заслужила ли я такой жаръ и сїе постоянство, которое удвояетъ теперь мое мученїе? — Я не могу увѣрить васъ что онъ умеръ, но когда поѣхалъ изъ сей деревни, то былъ сокрушенъ печалїю. . . . ты была ему столько мила!

Сїи послѣднїя слова открываютъ вторично источникъ слезъ у госпожи Сентъ-Реми; она была безъутѣшна. И въ самомъ дѣлѣ у ней остался отъ знатнаго ея состоянїя весьма умѣренной доходъ, которой съ трудностїю могъ доставать для ея пропитанїя. И такъ она избрала послѣднимъ себѣ убѣжищемъ домъ Сюзетты; прелести ея изчезли: но оставалась на лицѣ ея оная трогательная приманка, которая придаетъ толико власти красотѣ, и откуда раждаются великїя страсти. Чувствїе сожалѣнїя умножаетъ любовь, а добродѣтель подкрѣпляетъ и освящаетъ оную.

Злополучная Сентъ-Реми, старалась сколько возможно, въ одѣянїи и вкусѣ со-

сообразоваться съ простымъ состоянїемъ сельскихъ жителей; она могла бы наслаждаться и спокойствїемъ ихъ безъ жестокаго воспоминанїя о своихъ погрѣшностяхъ, и безъ образа Миловзорова, которой сїи мѣста представляли ей съ большею силою, нежели столица. Она ходила часто на тѣ поля и въ тѣ лѣса, гдѣ казалось ей, находила она прежднїя его слѣды. Не ужъ ли невинность такое добро, которое не можетъ намъ быть возвращено! Тщетно Павлина воспоминала о драгоцѣнныхъ ея воображенїю временахъ; какое безпокойство чувствовала она, когда говорила сама себѣ: здѣсь Миловзоръ говорилъ мнѣ о своей нѣжности, и здѣсь добродѣтель придавала новыя прелести моимъ простосердечнымъ утѣхамъ! я возвращалась къ Филипинѣ не стыдясь самой себя и не чувствуя въ совѣсти ни малѣйшаго упрека; ночи мои были столько же чисты и радостны сколько и дни, и въ сновидѣнїяхъ моихъ наслаждалась я еще прїятностями цѣломудренной и невинной жизни. Что у меня осталось отъ сего мятежа заблужденїй и обмановъ, въ которыхъ я плавала, не

будучи щастлива ни на одну минуту? Угрызенія и скука, бремя жизни. Увы! чистое небо, новое время, сіи мѣста, гдѣ природа ликуетъ въ разныхъ видахъ, всѣ сіи предмѣты толико лестные для первыхъ моихъ взоровъ, не возбуждаютъ теперь во мнѣ никакого пріятнаго ощущенія! душа моя упадаетъ безчувственна! она угасаетъ! . . . и есть ли я ощущаю еще свое сердце, то ето для безпрестаннаго мученія. О! добродѣтель, добродѣтель, видно ты не мечта! въ тебѣ одной можно обрѣсти истинное добро, и истинныя утѣхи.

Павлина, по обыкновенію своему пошла размышлять въ уединеніи. Генрихова жена примѣчаетъ въ дали трехъ человѣкъ, ѣдущихъ верхомъ къ ея дому; первый изъ нихъ поспѣшаетъ сойти съ лошади, бѣжитъ къ Сюзеттѣ и бросясь въ ея объятія, говоритъ; — я имѣю щастіе опять васъ видѣть! . . . вы не узнаете меня? Въ самомъ дѣлѣ я перемѣнился, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались. — Государь мой . . . . я не могу . . . . извините меня . . . . ваши черты . . . . не ужъ ли я обманываюсь? . . . . ахъ! ето ты Миловзоръ!

взоръ! — Точно я любезная Сюзетта.... я прискакалъ въ сіи мѣста.... въ другой разъ разкажу тебѣ подробно о моихъ приключеніяхъ; я скажу тебѣ въ кратпкихъ словахъ, что я много путешествовалъ, служилъ королю съ нѣкоторымъ отличіемъ, и даже получилъ военной чинъ, которой можетъ ласкать моему любочестію; я возвращаюсь изъ Америки, гдѣ я нажилъ изрядное имѣніе; но все сіе, Сюзетта, не наполняетъ сердца; я пріѣхалъ сюда увидѣть жилище моего рожденія, и прежднихъ моихъ друзей... они приведутъ мнѣ на память предмѣтъ, котораго не возможно мнѣ было забыть; повѣришь ли, что онъ никогда не выходилъ изъ моихъ мыслей? Образъ ея слѣдовалъ за мною чрезъ моря, и я принесъ его въ сіи мѣста, въ которыхъ онъ еще болѣе будетъ меня мучить. — Вы говорите о Павлинѣ? — А кто другая могла внушить въ меня любовь толь трудную преодолѣть? Первое мое движеніе по пріѣздѣ было освѣдомиться объ ней, и я узналъ только что мужъ ея умеръ, а что здѣлалось съ нею, того неизвѣстно — и такъ вы и теперь ее любите?

 Ахъ!

АхЪ! больше прежняго: — а естли вы ее найдете? — Пойду броситься кЪ ея ногамЪ, поднесу ей мое богатство и мое сердце. — Но когда она будетЪ вЪ нещастіи? — ТѢмЪ для меня будетЪ пріятнѣе; я постараюсь загладить ея бѣдствія; все мое имѣніе будетЪ принадлежать ей, равно какЪ и душа моя. — И такЪ вы на ней женитесь? — Я ласкаю себя, можетЪ быть . . . . она захочетЪ принять мою руку? — Но ежели она должна себя упрекать, естли расточеніе, привычка кЪ обществу . . . — дайте мнѣ только увидѣть ее, обнять ея колѣна; все ей будетЪ прощено; все ей будетЪ прощено . . . . и вы не знаете . . — тотчасЪ! подождите сЪ моимЪ мужемЪ, я пойду . . . — ради Бога! — я возвращусь чрезЪ минуту.

Сюзетта предупреждаетЪ своего супруга, чтобЪ онЪ молчалЪ о госпожѣ СентЪ-Реми и бѣжитЪ кЪ ней на встрѣчу.

Павлина возвращалась кЪ своему жилищу: она поражена была безпорядкомЪ, которой примѣтенЪ былЪ вЪ походкѣ Сюзетты: — что тебѣ здѣлалось, любезный мой другЪ? — Я чувствую смятеніе

нїе... не говорили ли вы мнѣ, что Миловзоръ ... онъ всегда вамъ милъ? .. Какой вопросъ! ты, которая столько меня знаешь, увы! никогда я не могла изгнать его изъ моего сердца! но къ чему возобновлять воспоминанїе, которое будетъ меня гнать до гроба. — Желаешь ли ты его увидѣть! — что ты говоришь? увидѣть его! Ахъ! я умру отъ радости..... Но какъ выдержать его присутствїе? Я въ нещастїи, уничижена сама предъ собою. — Нещастна? Тѣмъ болѣе онъ будетъ тебя любить! — Меня любить! мнѣ должно отказаться отъ сего толико сладостнаго чувствованїя! Сюзетта, я не могу быть любима! я оскорбила добродѣтель, любовь, я оскорбила Миловзора; для меня осталась одна смерть, одинъ скоропостижной конецъ, которой бы меня избавилъ отъ самой себя .... Но для чего ты говоришь мнѣ теперь о томъ, что усугубляетъ мои бѣдствїя? — Для чего? ... Поди за мною, любезный мой другъ, или лучше, дай мнѣ руку. — Что ето значитъ ... — пойдемъ поскорѣе.

Та и другая удвояютъ свое шествїе; Павлина безпрестанно спрашивала жену Ген-

Генрихову о причинѣ сей скоропостижности. Ты ее узнаешь, говорила ей Сюзетта, поспѣшая къ жилищу, ты ее узнаешъ . . . Ты вкусишь на конецъ щастїе; . . . ты возродишься, Миловзоръ . . . . онъ еще болѣе къ тебѣ привязанъ . . .

При семъ словѣ Сюзетта достигла дому: она входитъ и оборотясь къ Миловзору, говоритъ; — теперь я соединяю любезнѣйшихъ моихъ друзей!

Не возможно описать удивленїя, радости и восторга, коими были поражены равно Миловзоръ и Павлина; сїя отступаетъ нѣсколько шагвъ, чтобъ удалиться; но опять возвращается; они хотятъ говорить, но только смотрятъ другъ на друга; бросаются въ объятїя одинъ другаго и проливаютъ слезы, самый выразительный гласъ чувствованїя. Миловзоръ вскричалъ первый: ты мнѣ возвращена! я опять вижу Павлину . . . . Такъ, ето я, прерываетъ госпожа Сентъ-Реми . . . предмѣтъ сей толико чистой и толико нѣжной любви . . . можетъ быть должно мнѣ васъ убѣгать . . . . я опять обрѣтаю — человѣка, которой васъ любилъ больше всѣхъ, и котораго любовь была всегда постоянна.

Они

Они разказываютъ другъ другу различныя приключенія, послѣдовавшія съ ними послѣ ихъ разлуки; и благодарятъ каждую минуту щастливый случай, которой ихъ соединялъ. Миловзоръ увѣдомляетъ ихъ, что онъ видѣлъ Блинзея въ арміи, и что они дрались за непристойныя слова, которыя Маркизъ говорилъ на щетъ Сюзетты; онъ входитъ въ подробности о своемъ возвышеніи въ военной службѣ, о богатствѣ, коимъ онъ былъ обязанъ путешествію своему въ Америку, и о удовольствіи, которое будетъ вкушать получивъ руку Павлины. Сія отвѣтствуетъ ему съ слезами чистосердечнымъ признаніемъ въ нещастіяхъ и въ проступкахъ своихъ. Нещастія ваши прошли, прерываетъ ея любовникъ, вы можете раздѣлять, или лучше обладать всѣмъ моимъ богатствомъ; сколько я щастливъ, что могу помочь любимой мнѣ особѣ! съ какимъ восторгомъ благодарности и нѣжности узнаю я, что сердце ваше пребывало мнѣ привязано! а одно оно и можетъ совершить мое благополучіе. Забудемъ прошедшее, любезная Павлина, и не станемъ ни о чемъ помышлять,

шлять, кромѣ о щастїи любить другъ друга. Я испыталъ, что сколько я ни бѣгалъ по свѣту, сколько ни искалъ сего щастїя, которое казалось убѣгало меня, я не могъ его найти нигдѣ, кромѣ въ смиренномъ обиталищѣ моего рожденїя, въ объятїяхъ Павлины, которая будетъ моя супруга, моя любовница, и все что можетъ быть на землѣ для меня любезно; единое чувствованїе учиняетъ насъ совершенно благополучными! Я пользуюсь нѣкоторымъ уваженїемъ; прїобрѣлъ имѣнїе; возвысился слабымъ моимъ достоинствомъ въ самомъ благородномъ званїи; но не могу доволенъ быть, какъ почитая себя Миловзоромъ, сыномъ честнаго откупщика, робкимъ и вѣрнымъ любовникомъ Сюзетты; и такъ я куплю обратно домъ отца моего, ежели возможно; сострою на основанїи онаго другой спокойнѣйшїй; мы проведемъ вмѣстѣ дни, которые подастъ намъ провидѣнїе; и больше всего друзья мои, прибавилъ онъ обнимая Генрихову жену и самаго Генриха, помните всегда, что я Миловзоръ для васъ и для ближнихъ вашихъ; чистосердечїе, искренность и равенство;

вотъ

вотъ что должно насъ соединять; мы будемъ составлять одно семейство; раздѣляемое щастїе несравненно прїятнѣе.

Миловзоръ не укоснилъ привести Павлину къ олтарю. Вѣрная супруга, нѣжная мать, наконецъ женщина достойная общаго и своего собственнаго почтенїя, она узнала сладости истинны; многїе дѣти умножили прелесть сего нѣжнаго соединенїя; они совокупились съ Генриховыми дѣтьми; Миловзоръ думалъ, что они уничтожатъ родство, ежели войдутъ въ другое семейство; сїя благополучная чета, совершила долгое теченїе, и подвергнулась безъ угрызенїй и безъ страха общему концу, которой насъ ожидаетъ. Память ихъ была драгоцѣнна для ихъ потомства, и деревня, которой они не хотѣли оставить, сохранила вѣчное воспоминанїе о ихъ добродѣтеляхъ и благотворенїяхъ.

Конецъ.

